

НЕДОВОЛЬНЫЕ

КОМЕДІА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ въ Большомъ Петровскомъ театрѣ
2 декабря 1835 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Иванъ Ильичъ Радугинъ	<i>Г. Щепкинъ.</i>
Анисья Дмитріевна Камская, его теща	<i>Г-жа Сабурова.</i>
Владиміръ, его сынъ	<i>Г. Ленскій.</i>
Княжна Наташа, его дочь	<i>Г-жа Пимова.</i>
Глинскій, знакомый князя Радугина	<i>Г. Потанинъ.</i>
Запяткинъ, пріятель Владиміра	<i>Г. В. Степановъ.</i>
Анюта, фаворитка Анисьи Дмитріевны	<i>Г-жа Орлова.</i>
Шумиловъ, повѣренный князя Радугина	<i>Г. Соколовъ.</i>
Жоховъ, камердинеръ князя Радугина	<i>Г. Барановъ.</i>
Княгиня Глафира Саввишна Дутикова	<i>Г-жа Камша.</i>
Цустельпинъ	<i>Г. Живокинъ.</i>
Сундуковъ	<i>Г. П. Степановъ.</i>
Федосья Львовна Цолканова	<i>Г-жа Божановская.</i>
Котоменинъ	<i>Г. Никифоровъ.</i>
Графъ Мишурскій	<i>Г. Щепинъ.</i>
Баронъ Турухтановъ	<i>Г. Орловъ.</i>
Молодой человѣкъ	<i>Восп. Максимъ 2-й.</i>
Федотъ, { слуги князя Радугина	<i>Г. Смоляниковъ.</i>
Иванъ, {	<i>Г. Милевъ.</i>
Аеонька, { слуги Анисьи Дмитріевны	<i>Г. Сахаровъ.</i>
Михей, {	<i>Г. Богдановъ 2-й.</i>
Слуга на искусственныхъ минеральныхъ водахъ	<i>Г. Петровъ.</i>

Посѣтители и посѣтельницаны искусственныхъ минеральныхъ водъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половинѣ Анисьи Дмитревной.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анюта (*входитъ изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей; за ней служанка несетъ чайный приборъ*).

Поставь сюда!... да тише! не разлей!

Подвинь же столъ къ дивану...

Ахъ, какъ ты неловка! Впередь сама я стану

Готовить чай!... Подай побольше кренделей—

Вотъ тѣхъ, что принесли вчера намъ отъ графини!...

Глинскій (*за дверьми*).

Что, дома князь?

Михей (*входя за Глинскимъ на сцену*).

На этой половинѣ

Ихъ матушка изволить жить.

Глинскій.

Анисья Дмитревна?... Нельзя-ли доложить

Хоть ей...

Анюта (*подходитъ къ Глинскому*).

Иванъ Степановичъ!... Вы-ль это?

(*Михей уходитъ*).

Глинскій.

Что вижу? Боже мой!... Неужели Анюта?...

Да нѣтъ, не можетъ быть!

А н ю т а.

Такъ точно, это я.

Г л и н с к і й.

Да мы съ тобой старинные друзья.

А н ю т а.

Въ моемъ ребячествѣ я счастье имѣла,

Что вы...

Г л и н с к і й *(перерывая)*.

Какъ выросла и какъ похорошѣла!

Ну что, мой другъ! Ты здѣсь по-прежнему въ чести?

Попрежнему ты въ званьи фаворитки?

Должна держать себя въ струнѣ, ходить по ниткѣ,

Сидѣть въ углу и кружева плести?

А н ю т а.

О, нѣтъ! я всёмъ хозяйствомъ управляю,

Анисью Дмитревну стараюся занять,

Играю съ ней въ лото..

Г л и н с к і й.

Такъ вотъ что? Поздравляю!

А что ея почтенный зять,

Князь Радугинъ?

А н ю т а.

Его дѣла не хороши.

Г л и н с к і й.

Неужели нашель онъ средство,

Недавно получа въ наслѣдство

Пять тысячъ душъ...

А н ю т а.

Остаться безъ души?—

Такъ это вамъ и чудно?

Помилуйте! У насъ въ Москвѣ не трудно

И вчетверо прожить. Одинъ Кузнецкій мостъ

Дождетъ хоть кого. По мясобѣдамъ балы,

Концерты въ постъ;

А эти господа, честные объѣдалы,

Которымъ все не въ честь...

Вы знаете, князь жалуетъ поѣсть:

Зимою кушаетъ малину

И свѣжіе въ Крещенье огурцы;

То тысячъ пятьдесятъ заплатить за картину,

То самъ пойдетъ въ кущи,
Начнетъ мѣнять, дасть придачи,
Въ Москвѣ разводитъ садъ, а самъ живетъ на дачѣ...
Ну, послѣ этого прошу сводить концы!

Глинскій.

Да, это не легко! Такъ, видно, имъ придется...

Анюта.

Въ деревню поскорѣй.
За то ужъ какъ Россіи достается:
«Жилище варваровъ, звѣрей;
Земля, гдѣ головы всѣ пусты,
Гдѣ, кромѣ огурцовъ, да кваса и капусты,
Не знаютъ ничего».—Ну, словомъ—день и ночь
Кричатъ одно и батюшка и дочь,
А пуще сынъ...

Глинскій.

А! этотъ парижанинъ,
Полуфранцузовъ всѣхъ наставникъ и герой?

Анюта.

Онъ на дуэли былъ слегка недавно раненъ;
Поссорился за карточной игрой.

Глинскій.

Такъ онъ игрокъ?

Анюта.

О, нѣтъ! Одно лишь наслажденье
Имѣетъ онъ въ виду. Запяткинъ, другъ его,
Мнѣ изъяснилъ, что онъ играетъ для того,
Чтобъ чувства приводить въ волненье
И нервы потрясать.

Глинскій

Запяткинъ?... Это кто?

Анюта.

Да какъ-бы вамъ сказать?...
Онъ не въ большихъ чинахъ, не знатенъ онъ по роду,
Не служить онъ, затѣмъ что любить страхъ свободу.
И потому на счетъ другихъ живетъ;
Все русское клянеть,
Злословьемъ князя забавляетъ;
Чужіе знаетъ всѣ грѣхи;
Въ журналы отдаетъ безденежно стихи,
А деньги въ карты промышляетъ.

Глинскій.

Скажи, мой другъ, а часто ли у васъ
Племянникъ мой?

Анюта.

Андрей Иванычъ Лидинъ?

Глинскій.

Ну, да?

Анюта.

Онъ каждый день у насъ.

Прекрасный молодець, собою очень видень,
Привѣтливъ, добръ—а какъ умень!

Ну, право, лучше я мужчины
Не знаю здѣсь.

Глинскій.

И онъ къ вамъ ѣздитъ безъ причины?

Анюта.

Не думаю.

Глинскій.

А что?

Анюта.

Онъ, кажется, влюбленъ.

Глинскій.

Влюбленъ!... Въ княжну?

Анюта.

Помилуйте, въ кого-же?

Неужто въ бабушку? Вѣдь внучка помоложе.

Глинскій

А что она?

Анюта.

Быть можетъ, и она

Немножко влюблена,

А, впрочемъ, не ручаюсь:

Я мало съ ними обращаюсь,

Такъ истинно не знаю и сама.

Вотъ если-бы онъ былъ не просто дворяниномъ,

А графъ, иль князь, хотя бъ съ хорошимъ чиномъ,

То вѣрно-бъ свель ее съ ума;

Но онъ похвастаться не можетъ знатнымъ саномъ,

Не князь, и служитъ капитаномъ...

Глинскій.

И такъ, ты думаешь...

А н ю т а.

Да, года три назадъ,
Ему-бъ навѣрно отказали...

Г л и н с к і й.

Три года!... А теперь?

А н ю т а.

Теперь смириѣ стали.
Княжнѣ лѣтъ подь-тридцать, Андрей Ивановичъ богатъ;
Хоть ей не хочется съ сѣтельностью разстаться,
Да дѣлать нечего, когда пришла бѣда,
Вѣдь капитаншей быть все менѣ стыда,
Чѣмъ отъ долговъ въ деревню закопаться.

Г л и н с к і й

Ну, жаль-же мнѣ его!

А н ю т а.

И я о немъ тужу.
Что если-бъ вы...

Г л и н с к і й.

Оставимъ это.
Могутъ ли я твою увидѣть госпожу?

А н ю т а.

Анисья Дмитревна давно уже одѣта
И въ эту горницу придетъ сейчасъ.
Она здѣсь чай изволить кушать,
Приказы отдавать и рапорты всѣ слушать.

Г л и н с к і й.

Какъ рапорты?...

А н ю т а.

Да такъ — своя полиція у насъ:
Анисья Дмитревна Покровкой управляетъ.

Г л и н с к і й.

Покровкой!... Что за вздоръ!

А н ю т а.

Васъ это удивляетъ?
Ну, видно, что давно вы не были въ Москвѣ!
Побудьте-ка у насъ недѣльки двѣ,
Такъ мы васъ выучимъ.—Повздорить-ли съ сосѣдомъ.
Его жилецъ, иль кто помолвить дочь,
Иль выпьетъ лишнее за дружескимъ обѣдомъ,

Иль въ карты проиграетъ ночь,
Съ женою мужъ-ли побранится,
Иль кто задумаетъ жениться,
Кому отказъ, кому успѣхъ,
И горе всякое, и всякій смѣхъ,
И, словомъ, все, что здѣсь случится,
Мы знаемъ прежде всѣхъ.

Глинскій.

Ну, нечего! дворянская забава!
Поэтому вашъ домъ...

Анюта.

Ни дать, ни взять—управа.
Отъ нашихъ сыщиковъ никакъ не ускользнешь:
Весь домъ на томъ стоитъ, а пуще два лакея!
Нигдѣ шпионовъ не найдешь
Противъ Аюньки и Михея.
Но тише!... Вотъ она,
И, кажется, сердца.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Анисья Дмитріевна.

Анисья Дмитріевна (*не замѣчая Глинскаго*).

Въ диванной два стекла разбито,
Гостиная совсѣмъ не убрана,
Въ присадникѣ потоптаны всѣ грядки...

Анюта.

Анисья Дмитревна!

Анисья Дмитріевна.

Молчи!... Садовникъ пьянъ..

Анюта.

Сударыня!...

Анисья Дмитріевна.

Ну, вотъ какіе безпорядки!
Держи людей!... Отъ нихъ убытки да изьянъ,
А проку ни на грошъ!—Одинъ неблагодарень,
Другой лѣнивъ какъ баринъ,

Тотъ пьяница, тотъ воръ:
Да вотъ постой! Лишь только-бы наборъ—
Въ солдаты всѣхъ!...

А н ю т а.

Взгляните, передъ вами...

А н и с ъ я Д м и т р і е в н а (*увидя Глинскаго*).
Иванъ Степановичъ!... Какими чудесами?
(Глинскій цѣлуетъ у нея руку).
Давно-ли здѣсь?

Г л и н с к і й.

Вчера прѣхалъ по-утру.

А н и с ъ я Д м и т р і е в н а.

Прошу покорнѣйше садиться!

(Анисья Дмитриевна садится на кресло. Глинскій на стулъ; Анюта стоитъ подлѣ Анисьи Дмитриевны, которая, садясь, кладетъ на столикъ платокъ и табакерку).

Ну, можно-ли такъ мало измѣниться!

Нѣтъ, батюшка, постой!... Очки протру!...

Да ты никакъ живой хлебнулъ водицы:

Совсѣмъ не постарѣлъ!

Съ дороги, кажется, немного загорѣлъ,

А, право, молодець!—Ну, что твои сестрицы?

Забились далеко отъ матушки Москвы?

Здоровы-ли онѣ?

Г л и н с к і й.

Здоровы всѣ. А вы?

А н и с ъ я Д м и т р і е в н а.

Охъ, худо, мой отецъ! Стара и дѣло вдовье—

Такъ тутъ какое ужъ здоровье!

На старости за всѣмъ присматривай сама;

А люди у меня ужъ такъ избаловались,

Что мочи нѣтъ! - Ну, что моя кума,

Ирина Саввишна? Мы съ ней давно разстались;

Чай, очень ужъ дряхла?

Г л и н с к і й.

О, нѣтъ!

Она еще совсѣмъ здорова.

А н и с ъ я Д м и т р і е в н а.

А, кажется, сложенія сырого,

И сверхъ того однихъ со мною лѣтъ..

И то сказать: нельзя всёх мёрить въ свою мёрку,
Кому что дать Господь! (*Анюта*). Открой мнѣ табакерку!
Да ты то, батюшка, каковъ? Ну, что твой богъ?
(*Анюта подаётъ открытую табакерку; Анисья Дмитріевна нюхаетъ*).

Глинскій.

Болишь попрежнемъ

Анисья Дмитріевна.

Болишь? Охъ, это худо!
Да вотъ постой! У насъ Москвѣ есть докторъ—чудо!
Иванъ Фомичъ—я васъ сведу (*Анюта*). Подай платокъ!
Онъ нѣмецъ, батюшка!

Глинскій.

Теперь хорошихъ много
И русскихъ докторовъ.

Анисья Дмитріевна.

И—полно, ради Бога!
Гдѣ русскимъ докторамъ лѣчить!
Ну, ихъ-ли это дѣло?
Пожалуй и меня племянница хотѣла
Увѣрить, что въ Москвѣ умѣютъ ихъ учить;
Да вздоръ! Умны ужъ больно стали;
Объ этомъ въ старину слыхомъ мы не слыхали.
Эй, батюшка, возьми Ивана Фомича!
Я ревматизмомъ годъ страдала отъ плеча,
Онъ вылѣчилъ.

Глинскій.

Да я лѣчиться не намѣренъ;
А, можетъ быть, почью искусственныхъ здѣсь водъ...

Анисья Дмитріевна.

Что на Остоженкѣ? Гдѣ модный весь народъ
Баклуши бьетъ?

Глинскій.

Ну, да! и я почти увѣренъ,
Что облегченье получу.

Анисья Дмитріевна.

О, Господи!... но спорить не хочу:
Вѣдь всё съ ума сошли, у всёхъ одно и то-же:
Володенька, княжна, и князь Иванъ Ильичъ,
И, словомъ, всё такую порятъ дичь,
Что истинно на дѣло не похоже!

Ну, пусть-бы молодежь, а то и старики
Туда-жь кричать: не воды, чудо!
А знаешь-ли, берутъ откуда

Это чудо?

Да просто изъ Москвы-рѣки!

Глинскій *(улыбаясь)*.

Нѣтъ, шутите!

Анисья Дмитріевна.

Смотри пожалуй, онъ хохочетъ!

Ахъ, мой Творецъ! Какъ всё ослѣплены!

Какъ будто-бы объѣлись бѣлены:

Никто и вѣрить мнѣ не хочетъ.

Вотъ также и вчера часъ битый Вельскій вралъ...

А, кстати! Знаете-ль? Вѣдь онъ ужъ генераль!...

Глинскій.

Кто?... Вельскій?

Анисья Дмитріевна.

Да.

Глинскій.

Такъ чтожь?

Анисья Дмитріевна.

Какъ что? Мальчишка!

Давно-ли у него былъ маленькій чинишка?...

Глинскій.

Онъ въ службѣ тридцать лѣтъ; такъ, право, не грѣшно...

Анисья Дмитріевна.

Ужъ Вельскій генераль!... Подумать-то смѣшно!...

Я помню, въ курточкѣ ходилъ!... и какъ не стыдно...

Глинскій.

За что-же обходить служащихъ безъ вины?

И если всѣмъ даютъ за выслугу чины...

Анисья Дмитріевна.

Чины!—Кому?... Подумать-то обидно!

Да ты не знаешь видно,

Что Вельскому отцомъ роднымъ

Былъ просто сдаточный, а дѣдъ былъ крѣпостнымъ.

Глинскій.

Такъ чтожь! Тому и больше чести,

Кто самъ собой, безъ происковъ и лести,

Безъ знатнаго родства, однимъ своимъ умомъ,
Талантомъ, иль трудомъ
Проложить для себя блестящую дорогу

Анисья Дмитриевна.
Помилуй, батюшка, да этакъ понемногу...

Глинскій.
Не бойтесь, не всѣмъ талантъ Господь даетъ.

Анисья Дмитриевна.
Да всѣмъ даютъ чины. Давно я замѣчаю,
Что все у насъ навыворотъ идетъ:
Купцы не пьютъ вина, давай имъ чаю;
Мѣщане лѣзутъ въ господа,
А господа идутъ въ студенты;
Ужъ первыи чинъ схватить невозможно безъ труда—
На все ученье, да патенты!
Ужъ стали грамотѣ учить простой народъ,
И всякій лавочникъ толкуетъ про балансы!...
Въ Москвѣ шоссе да дилижансы,
А въ Питерѣ какой-то пароходъ,
Лихія болѣсти да выдумки пустыя!
Ну, словомъ—все поставили вверхъ дномъ...
Мы люди, батюшка, простые,
Такъ просто говоримъ.

Глинскій.
Позвольте мнѣ въ одномъ
Немножечко поспорить съ вами.
Дурнымъ хорошее не надо называть.
У насъ есть также люди съ головами,
Такъ стыдно отъ другихъ въ полезномъ отставать:
Художества, искусства и науки
Для пользы общей созданы,
Они идутъ впередъ, и если всѣмъ даны
И здравый смыслъ и руки —
Такъ почему-жъ и намъ..

Анисья Дмитриевна.
Мы знаемъ эти штуки!
Разсказывай!... Какія здѣсь науки?
Ужъ намъ хитрить!... да съ нашимъ-ли умомъ?
Мы развѣ иностранцы?
Мы русскіе!...

Глинскій.
Подчасъ и въ этомъ самозванцы,
Но, къ счастью, не всѣ.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Подумали-бъ о томъ,

Что все пришло въ забвенье,
Что даже и въ Москвѣ ни къ роду, ни къ лѣтамъ
Нѣтъ должнаго почтенья;
Все разночинцы по мѣстамъ..
Кому житье?—Однимъ повѣсамъ.

Бывало, въ старину, отецъ въ чести и съ вѣсомъ,
Такъ сынъ въ пеленкахъ офицеръ;
Чтожь нынче, напримѣръ?

Чиновный человѣкъ - посмотришь: что за рожа!
Откудова взялся! и даже не москвичъ!

А столбовой, хоть князь Иванъ Ильичъ,
Безъ мѣста, батюшка, а чѣмъ онъ не вельможа?

Открытый дворъ, шпалеры на стѣнахъ,
Сервизъ серебряный, услуга въ галунахъ,
Всегда пріѣздъ—и чтожь? Вотъ ровно три недѣли
Писаль онъ въ Петербургъ, а все отвѣту нѣтъ.

Г л и н с к і й.

Такъ хочетъ онъ служить?

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Да! принялъ мой совѣтъ.

Эхъ, батюшка; когда-бъ цѣнить людей умѣли,
Такъ вотъ министр! Осанка, видъ, пріемъ,
Все барское—ума палата.

Г л и н с к і й.

О, спору нѣтъ! Талантовъ много въ немъ,
Да жаль, что онъ служилъ всегда сверхъ штата,
И, кажется, былъ вѣчно въ отпуску.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Такъ что-же, батюшка?

Г л и н с к і й.

Кто быть министромъ хочетъ,
Тотъ долженъ послужить.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Ну, вотъ о чемъ хлопочеть!

Ты этой службою нагонишь мнѣ тоску!

И развѣ онъ на службѣ не считался?

Онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ нужно потолкался,
Гдѣ слѣдуетъ, друзей умѣлъ нажить...

Глинскій.

Охота есть, толкайтесь въ прихожей;
Но чтобъ достойнымъ быть вельможей.
Такъ надобно служить.

(Вставая).

Да я никакъ ужь слишкомъ заболтался.
Пора!

Анисья Дмитриевна.

Куда спѣшишь? Обѣдать бы остался...

Глинскій.

Мнѣ ѣхать надобно сейчасъ такую даль,
Что я...

Анисья Дмитриевна.

Ну, Богъ съ тобой!

Глинскій *(откланиваясь)*.

Мнѣ, право, очень жаль...

Анисья Дмитриевна *(проводяя)*.

И, батюшка! Не ты, а мы въ потерѣ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ-ЖЕ БЕЗЪ ГЛИНСКАГО, А ВСКОРЪ АЕОНЬКА И
МИХЕЙ.

Анисья Дмитриевна *(садится за столомъ и нали-
ваетъ себѣ чай)*.

Хорошъ и этотъ гусь!... И онъ туда же вретъ,

Что все идетъ у насъ впередъ.

Другіе хоть и врутъ, да все, по крайней мѣрѣ,

Не хвалятъ нашъ дурацкій вѣкъ;

А этотъ добрый человѣкъ—

Голубчикъ мой! всѣмъ, батюшка, доволенъ!

Эхъ, жаль, что князь Андрей Петровичъ боленъ:

Ужъ онъ бы доказалъ ему,

Что нынче всѣ негодны ни къ чему:

Что наша молодежь...

(увидя вошедшихъ Аеоньку и Михея).

Вы здѣсь?... Ну, чтожь вы стали?

Что видѣли вчера? О чемъ узнали?

Начни хоть ты, Михей!

М и х е й (*низко поклонясь*).
Сейчас я былъ по вашему приказу
У Фрындиной; она больна.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
И вѣрно съ глазу?
Куда глупа, Богъ съ ней!

М и х е й.
Не съ глазу, матушка, а развѣ отъ досады;
На всѣхъ прогнѣвалась, позорить безъ пощады,
А пуще барина и дочь.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
За что?

М и х е й.
Да такъ! Мусью французъ отходить прочь.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
Неужели?

М и х е й.
Его Бирюлькаина сманила.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
Ну, такъ, я знала напередъ!
Ужъ то-то, чай, ему и то и се сулила;
Да съ нею онъ не долго наживеть,
У ней вѣдь каждый годъ обновка,
То нѣмецъ, то французъ. А что ея золовка?

М и х е й.
Матрена Власевна? Не очень весела:
Вчера послѣднюю деревню продала.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
Негодная мотовка!
Пустила по міру и мужа и дѣтей,
Да ништо ей!
Теперь, я думаю, потише стала:
Не чванится, а то бывало
Швыряеть деньгами, ну, вотъ ни дать, ни взять,
Какъ князь Иванъ Ильичъ, почтеннѣйшій мой зять.
Нѣтъ, матушка! За нимъ тягаться-то накладно.
А что его дѣла?

М и х е й.
Ходилъ въ надворный судъ
И спрашивалъ...

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Ну, что?

М и х е й.

Да мало-ли что врутъ.

И то и се, а, кажется, не ладно.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Вотъ то-то же! Эхъ, князь Иванъ Ильичъ!
Умень ты на словахъ, а тамъ, глядишь по справкѣ,
Анъ вышло—сглуповаль! Ну, трудно-ли постичь,

Что быть въ долгахъ и жить въ отставкѣ

Нельзя никакъ: таковъ ужъ нынче свѣтъ,
Никто по векселю и на годъ не отсрочить.

Теперь о мѣстѣ онъ хлопочеть,

А мѣста нѣтъ, какъ нѣтъ!

Да вотъ авось-либо получить онъ отвѣтъ;
А нечего сказать, пора добиться толку,
Вѣдь зубы положить не весело на полку,
Бѣсть надобно. Ну, что?... Еще чего-нибудь
Не знаешь-ли? Смотри не позабуди!

М и х е й.

Кой-что, сударыня, все сущія бездѣлки:
У Ольгиной въ дому большія передѣлки;
Атуевъ промѣняль трехъ гончихъ и псаря
На двухъ борзыхъ. Еще-жъ подъячій изъ палаты
Мнѣ сказывалъ, что ихъ секретаря
Со свѣту гонить предсѣдатель,
За взятки будто-бы.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Ахъ, мой Создатель!

Каковъ же онъ! Другимъ ворамя
Потачки нѣтъ, а самъ-то, мой кормилецъ,
Безсовѣстный! Къ нему, чай, съ заднихъ крылецъ
Просители не ходятъ по утрамъ?

Вотъ такъ-то всѣ: къ чужимъ грѣхамъ

Въ насъ нѣтъ ни мало снисхожденья.

О, Господи! Прости намъ прегрѣшенья!

Мы всѣ на томъ стоимъ:

Другихъ ругаемъ и бранимъ,

А насъ попробуй—тронь-ка!

Такъ Боже упаси!... Ну, что молчишь, Аеонька!
Разсказывай! Что новаго узналъ,
Гдѣ былъ?

Аеонька.

У Волгиныхъ въ гостяхъ, и такъ былъ встрѣченъ,
Что еле живъ теперь: наслулу всталъ.

Анисья Дмитріевна.

Что сдѣлалось съ тобой?

Аеонька.

Я вовсе изувѣченъ,
И какъ еще на Божіи свѣтъ гляжу!

Анисья Дмитріевна.

Но кто и какъ?

Аеонька.

Я все въ подробность доложу.
Вчера послали вы меня узнать отъ Сицкой,
Поѣдетъ ли она въ Орель на этихъ дняхъ;
Вотъ я иду тихонько по Мясницкой,
Гляжу, у Волгиныхъ весь домъ горитъ въ огняхъ.

«Какой банкетъ они справляютъ?»

Подумалъ я; «не худо-бѣ заглянуть.»

Войти нельзя, меня въ дому ужъ знаютъ,
А окна высоки. Самъ чортъ никакъ шепнуть
Мнѣ вздумалъ на-ухо! За лѣстницей бѣгомъ,

Сыскалъ, принесъ... взглянулъ кругомъ:
Прохожихъ нѣтъ. Я ну-ка помаленьку,

Тихонько, да ползкомъ

Придвинулъ лѣстницу, поставилъ подъ окномъ,
И только лишь ступилъ на первую ступеньку,
Какъ двери хлопъ—и Волгинъ самъ какъ тутъ.

«Ага! ты здѣсь?... Попался плутъ!

Постой!»—Вотъ я туда—сюда, не тутъ-то было!

Народу куча привалила,

Схватили молодца.

«Зачѣмъ стоишь у нашего крыльца?»

—Я мимо шель, увидѣлъ плошки

И только что взглянулъ.—«Зачѣмъ смотрѣлъ въ окошки?»—

— Вы видите, какая грязь,

Я шель сторонкою.—«Вотъ я тебѣ!»—Позвольте,—

Сказалъ я, приборясь,—

Хоть я не кто другой, а драться не извольте.

«Ты плутъ, шпионъ!»—Анъ-нѣтъ, сударь, совсѣмъ не то!—

Какъ вдругъ онъ, матушка, снаскоку,

Брякъ въ щеку!—

— Помилуйте, за что?

«А вотъ за что!»—Да хлысть въ другую...

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Ахъ, батюшки! Съ чего онъ волю взялъ такую,
И какъ онъ смѣлъ?...

А е о н ь к а.

Ужъ онъ меня каталь, каталь!

Натѣшился, отсталъ,
Людишки приняли... Ну, вѣрите-ль, не зналъ,
Какъ вырвался, какъ до дому добрель...

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Ужъ я-жь его, мерзавца, доконаю!

Съ ума что-ль онъ сошелъ?

Кого онъ смѣлъ обидѣть?

Лишь только-бъ Богъ привель

Его хотъ гдѣ-нибудь увидѣть:

Все разомъ отпоку.—Смотри, какой буянъ!

И кто онъ самъ таковъ? Давно-ль завель крестьянъ?

Давно-ли дворяниномъ?

Вѣдъ дѣдушка его былъ здѣшнимъ мѣщаниномъ,

А мать купчихою; хотъ это не порокъ,

А нечѣмъ хвастаться;—онъ самъ ангикъ ходячій,

Воришка, взяточникъ, подъячій:

И братцы хороши: меньшей игрокъ,

А старшій пьяница, жена его болтунья,

Невѣстка сплетница, золовка лгунья;

Изъ двухъ зятьевъ

Одинъ дуракъ, всѣ дочери кривляки,

А сыновья—невѣжи, забіяки...

А е о н ь к а.

Да у него нѣтъ вовсе сыновьевъ.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Какъ нѣтъ? Да все равно! Лишь только-бы родились,

А то ужъ будутъ сорванцы,

За это я берусь.

М и х е й.

Я, чай, у нихъ гонцы

Разосланы вездѣ; они давно хвалились,

Что отъ своихъ отучать насъ дверей.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Хвалились? Боже мой!... За докторомъ скорѣй!

Охъ, душно!... Хвалились!

Анюта.

Онъ вретъ, не можетъ статья...

Анисья Дмитриевна.

Молчи! Такой афронтъ ужасный получа,

Нельзя мнѣ въ люди показаться!

Охъ, батюшки!... Скорѣй Ивана Фомича!

Анюта.

Поступокъ Волгиныхъ, не спорю я, обиденъ,

Но стоять ли они...

Слуга (*входя въ комнату*).

Андрей Ивановичъ Лидинъ.

Анисья Дмитриевна.

Сегодня никого я видѣть не хочу!

Хвалилися!... И кто-жь? Добро-бы люди!...

Охъ, спазмы!... Здѣсь!... У самой груди!...

Анюта.

Пойдемте къ вамъ!

Анисья Дмитриевна.

Пойдемъ!... Ужь я-жь имъ отплачу!

КОНЕЦЪ ПЕРВОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половинѣ князя Рядугина. Вечеръ. Въ простѣнкахъ горятъ лампы. На авансценѣ: столикъ, канане и нѣсколько креселъ. — Въ срединѣ и по бокамъ двери.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Владиміръ и Запяткинъ (*входятъ изъ среднихъ дверей*).

Владиміръ (*смотритъ на часы*).

Девятый часъ!... Я думалъ, что позднѣе.

(*Звастъ*).

Сегодня, кажется, отъ скуки я умру.

Запяткинъ.

Да развѣ мы не ѣдемъ на игру?

Владимірь.

Нѣтъ, cher ami! Соснутъ гораздо бы умнѣе:
Я такъ изломанъ, такъ усталъ!

Запяткинъ.

Какъ хочешь, князь! я въ общество попалъ
Чудесное, мой другъ! Есть партія для виста,
И банчикъ есть, и даже есть бостонъ;
Всѣ съ деньгами, играютъ чисто,
У всѣхъ прекрасный тонъ,

Хозяйка милая, и—что отмѣнно рѣдко,—
Въ ней русскаго ни крошки нѣтъ!

Ловка, умна, немножечко кокетка,

Жила въ Италіи пять лѣтъ

И вышла замужъ тамъ, да что-то ей съ супругомъ
Не очень пожилось, такъ онъ налѣво кругомъ,
Въ Италію назадъ—теперь и слѣдъ простылъ.

А жаль! Онъ малый добрый былъ

И смиренъ какъ ягненокъ.

Владимірь.

Да что она, стара?

Запяткинъ.

Конечно, не ребенокъ;

За то, мой другъ, талантами беретъ.

Рисуетъ какъ Вандикъ, танцуетъ всѣмъ на диво,

И *танти пальтити* ужасно какъ поетъ.

Владимірь

Поетъ?...

Запяткинъ.

Теперь немножечко фальшиво,
А славно пѣла въ старину!

Владимірь.

Чтожъ бѣдный мужъ?

Запяткинъ.

Найдетъ себѣ жену—

Въ Неаполѣ ихъ много.

Поѣдемъ, душенька!

Владиміръ.

Ну, такъ и быть, изволь!

Но только въ часъ домоіі.

Запяткинъ.

Ужъ въ часъ? Къ чему такъ строго?

А ужинать?

Владиміръ.

О, нѣтъ, отъ ужина уволь!

Я воды пью.

Запяткинъ.

Охъ, эти воды:

Ты пьешь—зачѣмъ?

Владиміръ.

Да такъ!

Запяткинъ.

Для моды?

Владиміръ.

Вотъ вздѣръ какой! Я пью затѣмъ, чтобъ пить,
Чтобъ время какъ-нибудь убить.

Запяткинъ.

И только-то?

Владиміръ.

О, нѣтъ! Причина осталая

Сильнѣе всѣхъ... Тамъ есть одна больная..

Она пьетъ Спрудель, я Нарзанъ...

Она больна—и я страдаю отъ недуга..

А какъ мила!... Лицо, походка, станъ,

Прелестно все! Въ глазахъ весь пламень юга,

Въ улыбкѣ тьма восточныхъ думъ...

А что за взглядъ!... Какая ножка!

Какіе волосы, мой другъ!... Глупа немножко,

Да что до этого? Къ чему для женщины умъ?

Запяткинъ.

Чтобъ быть еще милѣй.

Владиміръ.

Какое заблужденіе!

Да женщины съ умомъ прескучныя творенья.

Запяткинъ.

Такъ чтожъ онѣ?

Владиміръ.

Сейчасъ рѣшу вопросъ,

Но только чуръ нейти въ доносъ!

Всѣ женщины, мой другъ, какъ дѣти:

Ихъ надо забавлять, имъ должно льститьъ,

Побольше подличать, поменьше ихъ любить,

И вещи брать, какъ есть онѣ на свѣтѣ,

А то себя и ихъ со скуки уморишь.

Люблю за это я Парижъ—

Для всѣхъ хорошенькихъ пріятнѣй нѣтъ столицы:

Мужчины тамъ рабы, а женщины царицы,

Ихъ воля—нашъ законъ; имъ это говорятъ,

Ихъ тѣшатъ какъ дѣтей, какъ куколь наряжаютъ,

И если женщинъ тамъ не очень уважаютъ,

За то боготворятъ.

Запяткинъ.

По мнѣ такъ жребій ихъ завиденъ;

Но если-бы услышалъ это Лидинъ?...

Владиміръ.

О, Боже сохрани! Вчера онъ по-утру

Часъ битый увѣрялъ бѣдняжечку сестру,

Что будетъ уважать жену свою, какъ друга;

Что добрая и кроткая супруга

Должна для мужа только жить;

Что онъ одной женою будетъ занятъ,

Но боготворить ея не станеть,

А будетъ вѣкъ любить,

И прочее.

Запяткинъ.

Ну, чтожъ твоя сестрица?

Владиміръ.

Отдѣлала!

Запяткинъ.

Она на это мастерица.

А Лидинъ что?

Владиміръ.

Совсѣмъ погибъ!

Сестра такъ тѣшилась надъ кротою женою,

Что бѣднаго холодный потъ прошибъ

Запяткинъ.

Я думаю,—шутить невыгодно съ княжною.

Да что онъ за чудакъ!

В л а д и м і р ь.

Онъ вовсе не орель, однакожь, не дуракъ,

И есть какъ будто-бъ просвѣщенъ;

Но что за пошлыя сужденья!

Что скажетъ, то совретъ,

Смѣшной онъ патріотъ,

Ужасный старовѣръ, невѣжда запоздалый...

А, впрочемъ, добрый малый.

З а п я т к и н ь.

Да что въ немъ добраго? — Солдатъ изъ-подъ ружья!

На что годится онъ?

В л а д и м і р ь.

И, душенька! въ мужья;

На это онъ отмѣнно какъ пригоденъ.

Да кстати, снеч ам! Поздравь, вѣдь я свободенъ.

З а п я т к и н ь.

Свободенъ? Какъ?...

В л а д и м і р ь.

Я больше не служу.

З а п я т к и н ь.

Давно-ли ты въ отставку вышелъ?

В л а д и м і р ь.

Вчера. Объ этомъ здѣсь никто еще не слышалъ,

И даже мой папа. Я все тебѣ скажу:

У должности я не былъ три недѣли,

Являюся—меня трактуютъ какъ пшца,

Мнѣ выговоръ!

З а п я т к и н ь.

Неужто въ самомъ дѣлѣ?

В л а д и м і р ь.

Начальникъ мой—ты знаешь этого глупца—

При всѣхъ сказалъ, что стыдно мнѣ шататься,

Что должно дѣломъ заниматься,

А дѣло что?—Безсмыслица и вздоръ!

Вотъ я вступилъ съ нимъ въ жаркій споръ

И доказалъ ему, что вретъ онъ очевидно.

Чтожь онъ, мой другъ?—И вспомнить-то обидно!—

Молчать велѣлъ!

З а п я т к и н ь.

Какой ужасный деспотизмъ!

В л а д и м і р ь.

«Къ тому-жъ», примолвилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой,

«У васъ на всякой строчкѣ галлицизмъ,

«И слово каждое съ ошибкой.

«Учитесь грамотѣ». Такой обидный тонъ

Взбѣсилъ меня! Когда-жъ онъ, къ этому въ прибавку,

Осмѣлился сказать: «Подите, сударь, вонь!»—

Я тотчасъ объявилъ, что подаю въ отставку;

Что въ руки не возьму пера;

Что службою у насъ лишь только тотъ доволенъ,

Въ комъ нѣтъ души. И чтожъ? Вдругъ узнаю вчера,

Что я отъ службы ужъ уволенъ,

И что мнѣ выдадутъ прескверный аттестатъ.

Тѣмъ лучше—очень радъ!

Я посмѣюсь надъ этой отсталюю

Толпой невѣждъ, глупцовъ, и докажу,

Какъ мало дорожу

Ихъ вздорной похвалою

З а п я т к и н ь.

Брависсимо, мой другъ! Позволь себя обнять!

Ну, какъ, подумаешь, судьбу не обвинять:

Съ такими чувствами, съ такой душою,

Почти турецкимъ быть пашою,

Быть русскимъ!... Боже мой!

В л а д и м і р ь.

Судьба, топ снер, слѣпа,

Могло-бъ и хуже быть. Да вотъ и нашъ паша.

Съ повѣреннымъ своимъ и, кажется, не въ духѣ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же, князь, Радугинъ и Шумиловъ, *(выходятъ изъ боковыхъ дверей)*.

Князь *(Шумилову)*.

Все это вздоръ, одни пустые слухи;

И что мнѣ твой надворный судъ?

Ш у м и л о в ь.

Я вашему сѣятельству не смѣю

Пустое говорить; возьмите сами трудъ,

Извольте посмотреть!

(Подаетъ ему бумаги).

Князь.

Отстань! (*Увидя Запяткина*). А! честь имѣю!
Запяткинъ! Здравствуйте!

(*Подаетъ ему руку*).

Шумиловъ.

Одно изъ вашихъ дѣлъ
Ужъ кончено и, кажется, рѣшенъ
Надворнаго суда, чтобъ ваше все имѣнье
Въ Орловской волости...

Князь.

Эхъ, братецъ, надоѣлъ!

Шумиловъ.

Село Борисовку, Котлы...

Князь.

Спроси газеты;

Да если съ почты есть пакеты,
Вели подать. Ну, что стоишь? Пошелъ! (*Шумиловъ уходитъ.*
Запяткину).

Вы нынче, кажется, обѣдали не въ клубѣ?

Запяткинъ.

Не могъ: я общалъ давно одной особѣ...

Князь (*грозясь пальцемъ*).

И вѣрно женщинѣ?...

Запяткинъ (*заминая рть*).

А что хорошъ былъ столъ?

Князь (*съ большою важностью*).

Да такъ! Вѣдь лучшій поваръ боленъ,
И я жаркимъ былъ очень недоволенъ,
За то подъ соусомъ телячія ушки,
А лучше и того съ вареньемъ пирожки
Отличные! Одни могли бы быть еще послаще,
И масла, кажется, пропорція мала,
Но, впрочемъ, хорошо. Чтобъ ихъ готовить чаще,
Я подаль голосъ мой. Какъ встали изъ стола,
Объ этотъ начались сужденья,
Различныя явились мнѣнья—
Пошли на голоса,
И цѣлыхъ два часа
Такія были пренья,

Что я отъ крику онѣмѣлъ.
Князь Викторъ пуще всѣхъ шумѣлъ;
Но я убилъ его однимъ вопросомъ.

З а п я т к и н ъ.

А что?

К н я з ь.

Да такъ! Спросилъ: обѣдалъ онъ или нѣтъ?
А онъ, чтобъ не платить бездѣлки за обѣдъ,
Лишь только завтракалъ.

З а п я т к и н ъ.

Такъ князь остался съ носомъ?

К н я з ь.

И мигомъ прикусилъ языкъ. (*Входитъ слуга и подаетъ князю газеты*).

З а п я т к и н ъ (*тихо Владиміру*).

Да тамъ дѣла

Не въ шутку важныя.

В л а д и м і р ъ.

Какія, братецъ, шутки?

Вѣдь дѣло-то идетъ объ ихъ желудкѣ.

К н я з ь (*пересматривая газеты*).

Журналь «Франкфуртскій» и «Пчела»...

Начнемъ съ «Франкфуртскаго» журнала...

Опять онъ хвалитъ насъ!... Ну, право, скучно стало;

Побольше-бъ насъ бранилъ, такъ меньше-бы онъ вралъ!

З а п я т к и н ъ (*тихо Владиміру*).

Ого! Да твой папа ужасный либераль!

В л а д и м і р ъ.

И онъ годится на безлюдья.

К н я з ь.

Ну, вотъ парижскіе гораздо строже судья,
И дѣло говорятъ.

З а п я т к и н ъ (*Владиміру*).

Онъ мыслить хоть куда.

В л а д и м і р ъ.

За то, мой другъ, какого стоило труда
Мнѣ просвѣтить его!

Запяткинъ

Безъ всякаго сомнѣнья.

Вѣдь это старое упрямо поколѣнье.

Владиміръ.

Да! наши старики
Смѣшны. Они надѣли парики,
Въ нѣмецкіе кафтаны нарядились,
Обрили бороды, да только не умылись;
И если имъ объ этомъ намекнешь,
Такъ, Боже упаси! Отъ вздорной ихъ морали
Въ Камчаткѣ мѣста не найдешь.

Запяткинъ.

За то ужъ мы съ тобой отъ вѣка не отстали;
И если-бы судьба въ Парижѣ насъ свела,
Ужъ то-то-бъ пожили!

Владиміръ.

А что, и въ самомъ дѣлѣ!

Князь (*читаетъ газеты*).

Опять испанскія дѣла!
До смерти надоѣли!
Посмотримъ-ка «Пчелу».

Владиміръ.

Когда-бъ ты зналъ Парижъ!

Вотъ жизньъ, мой другъ! У насъ все гладь да тишь,
И мы спокойно всё отъ скуки умираемъ,
Волочимся тайкомъ, украдкою играемъ,
Въ театрѣ спимъ,
А въ клубѣ англійскомъ ѣдимъ,
Ростемъ въ Москвѣ; или въ деревнѣ прозябаемъ:
А тамъ все жизнію кипитъ! И всё въ чаду—
Старикъ и юноша, глупецъ и геній.
Всѣ пьютъ равно изъ чаши наслажденій!
И если ты съ фортуною въ ладу...

Запяткинъ.

А если нѣтъ?

Владиміръ.

Такъ чтожъ? И это предрассудки:
Счастливо прожилъ сутки,
А тамъ—хоть пулю въ лобъ!

Запяткинъ.

Ай, ай! Нѣтъ, лучше жить въ Москвѣ и ѣздить въ клубъ!

Владиміръ.

Ахъ, сколько въ этой буйной жизни
Поэзіи, мой другъ! А въ нашей-то отчизнѣ,
И съ нашей прозаической зимой,
Прошу поэтомъ быть.

Князь (*читая газеты*).

Что вижу! Боже мой!

Возможно-ли?

Владиміръ (*князю*).

Да что такое
Вы тамъ нашли?

Князь.

Въ четвертый классъ!

Кого?... за что?... И разомъ двое:
Умковъ и Зоринскій!... Вотъ такъ-то все у насъ.

Запяткинъ.

И этотъ вздоръ тревожитъ васъ!

Князь.

Въ четвертый классъ!... Да, сдѣлай дружбу,
Скажи, за что?

Владиміръ.

И вамъ не стыдно дорожить
Такою мелочью?

Князь.

Чай, скажутъ, все за службу?
А тотъ, кто могъ-бы съ честію служить,
И даже быть отличнымъ публицистомъ...

Запяткинъ.

Проводить жизнь свою за вистомъ...

Князь.

Ну, послѣ этого прошу въ Россіи жить!

Запяткинъ.

А жить, къ несчастью, надо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ-ЖЕ, АНИСЬЯ ДМИТРИЕВНА, КНЯЖНА И АНЮТА
(*выходятъ съ лѣвой стороны изъ боковыхъ дверей*).

Анисья Дмитриевна (князю.)

Ты здѣсь? Я очень рада!

Ну что, Иванъ Ильичъ, надѣюсь, не забылъ?...

(*Запяткинъ кланяется*).

Здорово, бабушка, здорово!...

(Князю).

У полицмейстера ты былъ?

Князь.

Сегодня нѣтъ; но я скажу ему два слова

Объ этомъ завтра на водахъ.

Анисья Дмитриевна.

А нынче что?...

Князь.

Все сдѣлаю, повѣрьте.

Анисья Дмитриевна

Аеоньга мой чуть живъ, избить до смерти,

А ты молчишь...

Князь.

Я былъ на Прѣсененскихъ прудахъ,

А тамъ взглянулъ на скачку,

Да съѣздилъ въ паркъ: такъ, право, не успѣлъ.

Анисья Дмитриевна.

Вѣстимо, бабушка, отъ этихъ важныхъ дѣлъ

Урваться некогда. Давай, сударь потачку,

Давай! Пусть Волгинъ бьетъ

И нашихъ слугъ, и насъ,—мы этого достойны,

Мы терпимъ все...

Князь.

Да будьте-же покойны,

Имъ это даромъ не пройдетъ.

Анисья Дмитриевна.

Вотъ то-то быть вдовой, остаться безъ пріюта!

Кто хочетъ обижай—заступы нѣтъ!—Антоша!

Подай работу мнѣ.

(*Садится къ столу. Князь принимается опять за газеты
Зпяткинъ также просматриваетъ листокъ журнала*)

Владиміръ (*княжнѣ*).

Ну, что, та боеуг, скажи,
Твои дѣла идутъ изрядно?

Княжна.

Дѣла?

Владиміръ.

Ну, да! Съ твоимъ чувствительнымъ Вержи,
Ну съ Лидинымъ. Но ты одѣта не нарядно—
Не будетъ онъ?... Злодѣй!... Да полно, не тужи!

Княжна.

Ахъ, какъ ты надоѣлъ!

Владиміръ.

Не сохни отъ печали!

Онъ завтра явится и новыи курсъ морали
Начнетъ съ тобой; а ты подашь ему совѣтъ
Любезнѣй быть, и очень граціозно
Отдѣлаешь его. А что, скажи серьезно,
Онъ нравится тебѣ?

Княжна.

И да, и нѣтъ!

Быть можетъ, я къ нему была-бъ равнодушна;
Но онъ такой чудакъ, такой смѣшной педантъ:
Все любить русское, вездѣ найдетъ талантъ,
Въ восторгѣ отъ всего...

Владиміръ.

Не спорю, это скучно,

За то богатъ, и съ нимъ вступить въ законный бракъ
Не стыдно никому. Онъ даже не дуракъ.
И если-бы родился хоть крошечку пораньше,
Такъ сталь-бы умницей въ Москвѣ.

Княжна.

Все такъ, mon frèrè!

Да жаль, что онъ...

Владиміръ.

Лишь оберъ-офицеръ.

Что вижу, душенька, не хочешь въ капитанши.

Нельзя-жъ тебѣ имѣть все вдругъ!

Чины, богатство, умъ, лицо...

Княжна (*присѣдая*).

О, много чести!

Анисья Дмитриевна.

Володенька, послушай-ка, мой другъ!
Что это до меня дошли какія вѣсти?
Я слышала,—и этотъ слухъ не лживъ,—
Что плохо служишь ты, и очень сталь лѣнивъ.

Владиміръ.

Я занятъ былъ...

Анисья Дмитриевна.

Ты занятъ? Чѣмъ?... Примѣрить платье,
Скакать въ театръ, да ѣздить на бала,
Да вздоръ болтать,—преважныя дѣла!

Владиміръ.

Повѣрьте мнѣ, мои домашнія занятя
Важнѣе во сто разъ...

Анисья Дмитриевна.

Чего?

Владиміръ.

Всѣхъ глупыхъ дѣлъ,
Среди которыхъ мы въ невѣжествѣ коснѣли,
Когда никто изъ насъ не постигалъ
Ни любомудрія высокой цѣли,
Ни просвѣщенія свѣтлый идеаль.

Анисья Дмитриевна.

Опять занесъ ты ахинею!
Ну вотъ толкуй съ ученымъ дуракомъ!
Да полно говорить халдейскимъ языкомъ,
Уймись!

Запяткинъ (*тихо Владиміру*).

Охота-жъ спорить съ нею!
У этихъ дамъ невѣжество...

Владиміръ (*перерывая*).

Въ крови!

Слуга (*входитъ изъ среднихъ дверей*).
Иванъ Степановичъ...

Князь.

Глинскій? Ну чтожъ? Зови!

(*Слуга уходитъ*).

Запяткинъ.

Кто этотъ господинъ?

Князь.

Губернскій предводитель,

Не помню только гдѣ.

Запяткинъ.

Такъ онъ не здѣшній житель?

Князь.

О, нѣтъ! Я съ нимъ по службѣ былъ знакомъ.

Теперь онъ сталъ ужасный агрономъ,

Зарылся въ конопляхъ, толкуетъ все о просѣ,

И сѣетъ рожь въ своемъ саду.

Мы нѣкогда живали съ нимъ въ ладу

Чиновный человекъ, и прежде былъ въ ходу;

Но, кажется, теперь въ забросѣ:

Въ деревнѣ все живетъ;

А, несмотря на то, жестокой патриотъ.

Запяткинъ.

Охъ, эти мнѣ квасные патриоты!

У нихъ не отобьешь ничѣмъ охоты

Хвалить святую Русь.

Владиміръ.

Да, душенька, они

Съ характеромъ.

Запяткинъ.

На ихъ восторги глядя,

Подумаешь, что мы блаженствуемъ одни.

Владиміръ (*князю*).

Вѣдь Глинскіи Лидину приходится съ родни?

Князь.

Да, Лидину родной онъ дядя.

Владиміръ (*княжнѣ*).

Смотри жъ, ма соеца! при немъ себя веди

Какъ слѣдуетъ племянницѣ послушной,

Пониже присѣдай, да къ ручкѣ подойди!

Княжна.

Эхъ, полно, Вольдемаръ! Отстань! Какой ты скучный!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Т ъ ж е и Г л и н с к і й .

К н я з ь (*идя на встречу Глинскому*).

Иванъ Степановичъ! Вы-ль это, наконецъ?

Г л и н с к і й .

А вотъ какъ видите.

К н я з ь .

Повѣрьте, непритворно

Я радуюсь, что вы въ Москвѣ. Прошу покорно!

(*Подвигаетъ кресла, и, указывая на Владимира и князю*).

Мой сынъ и дочь!...

(*Раскланиваются; Глинскій и всѣ садятся*).

А н и с ь я Д м и т р і е в н а .

Здоровь-ли, мой отецъ?

Ну что, наѣздилися?

Г л и н с к і й .

Я дѣлалъ все визиты,

И признаюсь, меня послѣдній доконалъ:

Я былъ у Вельскаго.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а .

Конецъ изрядный даль!

Чай, всѣ бока твои избиты.

Куда нейдетъ зимой,

А то теперь прошу, по нашей мостовой,

Къ Нескучному съ Покровки прокатиться!

Г л и н с к і й

Ну, глядя на Москву, нельзя не подивиться!

Подумаешь, какъ все идетъ впередъ:

Гдѣ гризь была,—сады тамъ зеленѣютъ,

Дома растутъ...

А н и с ь я Д м и т р і е в н а .

А люди все глупѣютъ...

В л а д и м і р ь .

И просвѣщенье не растетъ.

Глинскій.

Напротивъ, кажется, и даже очевидно.
Теперь и намъ похвастаться не стыдно:

У насъ есть много своего,
И я надѣлся...

Анисья Дмитриевна

Надѣлся—чего?...

Князь.

Вы обманулися въ своей надеждѣ...

Владимірь.

Все то-жъ невѣжество, какое было прежде...

Анисья Дмитриевна.

Все исковеркано на новый ладъ...

Князь.

А мнѣ такъ кажется, что мы идемъ назадъ.

Глинскій.

Вотъ разомъ три различныхъ мнѣнья!

Нельзя-ли сдѣлать одолженье

И изяснить: кто правъ, кто виноватъ?

Я слушать васъ готовъ, и очень буду радъ

Узнать всю истину.

Князь.

Мы въ самомъ дѣлѣ

Отмѣнно какъ во всемъ успѣли.

Помилуйте! Да что хорошаго у насъ?

Владимірь.

Святая родина, ея священный гласъ,

И дымъ отечества, и тѣма подобныхъ фразъ—

Давно свой вѣкъ отжили,

Ихъ воскрешать,—напрасный трудъ.

Онѣ еще бредутъ

Въ какомъ-нибудь народномъ водевилѣ;

Но если станемъ мы какъ люди разсуждать,

Такъ смѣю васъ спросить: чѣмъ можно оправдать

Смѣшное наше чванство?

И чѣмъ намъ хвастаться? Не тѣмъ-ли, что у насъ

Брусника есть, капуста, квасъ?

Въ любви къ невѣжеству большое постоянство

И нѣсколько давно истасканныхъ идей?

Князь (Глинскому).

Неужто скажете, что это все злословье?

Владимиръ.

Конечно и у насъ есть разныя сословья;
У насъ три класса есть людей.
Во-первыхъ: есть крестьяне,
Тамъ средній классъ,—а тамъ дворяне;
И разницу межъ ихъ мы видимъ каждый день.
Въ однихъ—невѣжество и пьянство,
Въ другихъ—невѣжество и лѣнь...

Глинскій (улыбаясь).

А въ третьихъ—что?

Владимиръ.

Невѣжество и чванство,—

И въ людяхъ грамотныхъ всегдашній недочетъ.

Скажите сами:

Ну чѣмъ гордится нашъ народъ?

Какими славится Россія именами?...

Глинскій.

Назвать не трудно ихъ, на славу ихъ права
Извѣстны всѣмъ; ихъ всѣ въ Европѣ уважаютъ.

Владимиръ.

Да много-ль ихъ?—Одинъ или два;

А тамъ ихъ сотнями считаютъ.

Запяткинъ.

Какими сотнями—да имъ и счету нѣтъ!

Князь.

Иванъ Степановичъ, примите мой совѣтъ,
Не спорьте съ нимъ; - вѣдь вамъ ужъ доказали,
Что мы во всемъ ужасно какъ отстаемъ...

Глинскій.

Такъ чтожъ? И это не бѣда.

Идти впередъ не должно торопливо.

Была бы наша Русь спокойна и счастлива,

А прочее придетъ.

Владимиръ.

Не знаете-ль когда?

Глинскій.

Мы молоды еще, такъ надо взять терпѣнье:
Народа цѣлый вѣкъ не то, что вѣкъ людской.

Владиміръ.

А чтожъ по вашему—какой?

Глинскій.

У насъ года, а тамъ считаютъ поколѣнья.

Запяткинъ.

А я такъ думаю, что наше просвѣщенье

Начнется лишь тогда,

Когда у насъ, не только что въ лакейской,

Но даже въ деревняхъ исчезнетъ борода,

И станутъ всѣ ходить въ одеждѣ европейской.

Глинскій.

Резонъ! Вѣдь нашъ мужикъ отъ этого и глупъ,

Что носить шапку и тулупъ.

Ему-бы надобно, какъ умному французу,

Въ холстинную одѣться блузу

И выѣхать въ морозъ.

Владиміръ.

Зачѣмъ мѣнять костюмъ,

Помилуйте, на что? Вы точно правы:

У насъ свой собственный есть умъ,

Свои обычаи, привычки, нравы,

Такъ надо ихъ беречь.

Повѣрьте мнѣ, всѣ эти улучшенья

Пора-бы намъ престѣчь,

И такъ насъ губить просвѣщенье;

Не правда-ль, бабушка?

Анисья Дмитриевна (*занимаясь работою*)

Что, что?... Что тамъ онъ вретъ?

Владиміръ.

Да то же, что и вы: что мы ушли впередъ,

И что характеръ нашъ совсѣмъ ужъ измѣнился,

Хоть вонъ бѣги изъ матушки-Москвы.

Глинскій.

И я-бы съ этимъ согласился,

Когда бъ всѣ думали, какъ вы.

Скажите мнѣ: да что вамъ за охота

Свое отечество позорить и срамить,

И сряду все браня безъ всякаго отчета,

На этихъ крикуновъ несносныхъ походить,
Которые хотятъ, во-что-бы-то ни стало,
Увѣрить всѣхъ, что мы неидемъ впередъ ни мало;
Сидимъ за азбукой и все твердимъ зады;
Что просвѣщенія плоды
Въ Россіи вовсе незамѣтны:
Чтобъ русскимъ просто быть никто изъ насъ не смѣлъ;
Что это все невѣжество и чванство,
И что всегдашній нашъ удѣлъ
Одно смѣшное обезьянство.
О, Господи! Когда избавишь насъ
Отъ этихъ вздорныхъ фразъ,
Отъ этихъ выходцевъ изъ чужеземныхъ краевъ,
Полу-французскихъ сорванцовъ,
Да отъ затянутыхъ въ шнуровки попугаевъ,
А пуще и того, отъ юныхъ мудрецовъ,
Которые въ сужденьяхъ такъ свободны,
За вѣкомъ вслѣдъ идутъ, смѣются надо всѣмъ,
Зовутъ негоднымъ все—затѣмъ,
Что сами ни къ чему не годны;
И этихъ птицъ зловѣщихъ родъ
Всегда злословить своей народъ,
И отвратительнымъ встрѣчаетъ крикомъ
Въ своемъ отечествѣ великомъ
Прекрасный солнечный восходъ!

Владиміръ (*тихо Запяткину*).

Да онъ поэтъ.

Запяткинъ (*также*).

И въ родѣ самомъ старомъ

Онъ лирикъ, кажется.

Князь.

Позвольте вамъ сказать:

Вы спорите съ излишнимъ жаромъ,
Гдѣ должно фактами все дѣло доказать,
Тамъ краснорѣчіе напрасно.
Положимъ, что у насъ въ Россіи все прекрасно,
Что въ просвѣщеніи мы отѣнно далеки,
Что мы умнѣ всѣхъ;—извольте, я не спорю!
Да этому пособите-ль вы горю,
Что все у насъ идетъ разсудку вопреки...

Владиміръ.

У насъ?... Помилуйте, папа! И вамъ не стыдно

Позорить такъ сзятую Русь?

Да знаете ль, что всѣмъ смотрѣть на насъ завидно—
Я это доказать на каедрѣ берусь.

Скажите мнѣ: когда у насъ видали,
Чтобы съ просителейъ безстыдно взятки брали;
Чтобъ кто нибудь страдалъ невинно отъ суда?

Не правда-ль, что у насъ всегда
Невинный правъ, наказанъ виноватый;
Вельможа не спесивъ, не чванится богатый,
И сильный слабого не давить никогда?

Глинскій.

Да гдѣ-же этого, къ несчастью, не бываетъ,
И гдѣ подчасъ невинность не страдаетъ?
Неужто тамъ, гдѣ каждый сорванецъ
И плуть отъявленный печатаетъ что хочетъ,
Срываетъ съ доблести вѣнецъ,
Злословить все, надъ всѣмъ хохочетъ,
И имя честное свободно топчетъ въ грязь?
Неужто тамъ, гдѣ къ родинѣ любовью
Зовутъ позорный бунтъ, злодѣевъ гнусныхъ связь;
Гдѣ чернь, упившись виномъ и кровью,
Гдѣ пѣна общества, гдѣ всякій подлый сбродъ,
Въ ногахъ законы попираетъ,
И гдѣ безмысленный народъ
За вздорную мечту дерется, умираетъ,
И въ глупой гордости зоветъ себя царемъ?
Неужто тамъ, гдѣ съ каждымъ новымъ днемъ
Для блага общаго являются препоны,
Гдѣ всякій дѣлаетъ свои законы,
И жить хотя лишь собственнымъ умомъ,
Ярмо постыдное въ порядкѣ общемъ видить?
Да что и говорить о томъ!
Порокъ всегда порядокъ ненавидить,

Владиміръ.

Да это все одни слова,
И еслибъ вы хотя немного
Старались изучать народныя права,
То можетъ быть...

Анисья Дмитриевна.

Эхъ, полно, ради Бога!
О чемъ вы спорите? Все это пустяки,
Все модныя, дурацкія затѣи.

Владиміръ.

Вы правы, бабушка! Конечно, есть идеи,
Которыхъ понимать не могутъ старики.

Анисья Дмитриевна.
Вѣстимо, батюшка! Вѣдь нынче дѣти
Всегда умнѣй своихъ отцовъ.

Князь.
Объ этомъ намъ судить случается предметъ
Не хуже васъ, господь новѣйшихъ мудрецовъ.

Запяткинъ (въ сторону).
Обидѣлись!

Владимиръ.
Случается, да рѣдко.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и слуга.

Слуга.

Вельдюзева!

Глинскій.

Моя почтенная сосѣдка,
Ненила Карповна?

Князь.

Зачѣмъ Господь принесъ?

Ужь эта мнѣ провинціалка!
Начнетъ все выть: «Ахъ, батюшка, какъ жалко;
Побило градомъ рожь, пропаль совсѣмъ овесь,
Гречиха не въ цѣнѣ!» Несносная болтунья!

Скупа,
Глупа!

Анисья Дмитриевна.

А ужъ какая лгуныя!

Князь.

И кто просилъ? Я право не зову

Анисья Дмитриевна.

Туда-жъ таскается въ Москву!
Жила-бы, да жила въ своей Калугѣ.

Князь.

Куда какъ глушы эти слуги:
Не могутъ отказать. Скажи, что дома нѣтъ!

Глинскій.

Вы слышали? Она разбогатѣла.

Князь.

Неужели? (*Слутъ*). Пойди!

Глинскій.

Ея покойный дѣдъ,
Къ которому она поддѣлаться умѣла,
Имѣнне славное оставилъ ей.

Князь.

Вотъ что?

Глинскій

Теперь у насъ въ округѣ всея
Богаче нѣтъ ея: душъ тысяча безъ-мала.

Князь.

Ого!

Глинскій.

Отличный лѣсъ, луговъ хоть не коси,
Да триста тысячъ капитала,
И все наличными!

Князь (*слутъ*).

Проси!

Анисья Дмитриевна (*слутъ*).

Въ гостиную ко мнѣ.

Князь.

На половникъ вашей

Такъ тѣсно, матушка!

Анисья Дмитриевна.

Помилуй, все равно!

Мы примемъ тамъ ее съ Наташей.

(*Кляжеть*).

Пойдемъ, мой другъ!

Глинскій (*взглянувъ на часы*).

Десятый часъ давно...

Позвольте ужъ и мнѣ...

Князь.

Я не прощаюсь съ вами;

Вы также лѣчитесь водами,
Такъ завтра поутру увижу васъ.

Анисья Дмитриевна.

Да, да!

Мы тамъ увидимся!

Глинскій (*Анисью Дмитриевку*).

Такъ вы рѣшились сами...

Анисья Дмитриевна.

Взглянуть однажды не бѣда;

Посмотримъ, батюшка, что это за вода?

Глинскій (*раскланиваясь*).

И такъ въ пріятномъ ожиданьи...

Анисья Дмитриевна.

До завтра!

Князь.

Прощайте, до свиданья!

(*Глинскій уходитъ*).

Анисья Дмитриевна (*князю*).

Что, князь Иванъ Ильичъ, идешь со мной?

Князь.

Иду!

(*Всѣ уходятъ тѣми боковыми дверьми, кромѣ Владимира и Запяткина*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Владиміръ и Запяткинъ.

Владиміръ.

Каковъ пріемъ калужской-то дворянкі!

Запяткинъ.

Чтожъ ѣдемъ мы?

Владиміръ.

Куда?

Запяткинъ

Къ моей италіянкѣ?

Владиміръ.

Какой?

Запяткинъ.

Да ты совсѣмъ въ чаду:
Забылъ?

Владиміръ.

Да, да! А что, мой другъ, нельзя-ли
Остаться мнѣ? Я былъ вчера на балѣ,
И такъ усталъ, что мочи нѣтъ!
А завтра на воды чѣмъ-свѣтъ...

Запяткинъ.

Усталъ? Такъ чтожъ? Немножко выпей рома,
Хлебни шампанскаго, такъ разомъ все пройдетъ.
Ты будешь тамъ какъ дома:
Хозяйка милая тебя съума сведетъ,
А какъ ужъ приметъ-то радушно!...

Владиміръ.

Да я-то не гожусь совсѣмъ: я глупъ и вялъ,
И спать хочу. Со мной ей, право, будетъ скучно:
Какой я гость?

Запяткинъ.

Съ чего ты это взялъ?

Такіе гости для нея подарки;
Да ты и самъ смотришь не станешь сентябремъ;
Свобода полная во всемъ:
Кури себѣ сигарки,
Ложись на канапе, зъвай,—все сходитъ съ рукъ

Владиміръ.

А если бы охота мнѣ припала
Соснуть,—разсердится?

Запяткинъ.

Ни мало!

Она предобрая, мой другъ.
Пойдемъ!

(Уходятъ въ среднія двери).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

Театръ представляетъ комнату съ двумя окнами, посреди которыхъ стеклянная дверь; вмѣсто боковыхъ стѣнъ сквозная колоннада — Направо отъ зрителей должна быть зала, въ которой пьютъ воды; налѣво другая — истинная. Окна открыты; за ними галлерей съ нивьсомъ, за которой виденъ садъ. Въ галлерей толпится множество народу. — Чрезъ сцену, до начала дѣйствія, отъ времени до времени, проходятъ всякаго рода постьтители, а въ саду играетъ духовая музыка; на авансценѣ нѣсколько креселъ и канипе.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Владиміръ и Запяткинъ (когда музыка перестаетъ сходятся съ разныхъ сторонъ).

Запяткинъ.

А, здравствуй, князь! Ты нынче очень поздно Приѣхалъ на воды.

Владиміръ.

Да я насилу всталъ.

Запяткинъ.

А, что и подлинно! Ты, кажется, усталъ:
Какой ты пасмурный, а смотришь-то какъ грозно,
Растрепанъ какъ!... Ну, сущій Беверлей!
Да будь повеселѣй!

Владиміръ.

И радъ бы, душенька, да что-то не забавно;
Вчера я много проигралъ.

Запяткинъ.

Такъ чтожъ? За то игралъ-то славно!
Я, глядя на тебя, отъ страха умиралъ.

Когда отъ тысячи ты въ третій разъ загнулся,
Такъ помнишь, банкометь какъ выпучилъ глаза?
Гляжу: направо хлопъ червоннаго туза!
Всѣ вскрикнули, а ты безпечно улыбулся,

Спокойно отогнулся,
И снова грянулъ напроломъ!

Ну, истинно тебя списать бы надо
Во всей красѣ за карточнымъ столомъ.

Владиміръ.

Большая мнѣ отрада!

И что мнѣ прибыли, что банкометь дрожалъ,
А я спокоенъ былъ! Мнѣ это не поможетъ.

Запяткинъ.

Да что тебя тревожить?

Владиміръ.

Какъ что? Я много задолжалъ.

Запяткинъ.

Такъ въ этомъ-то, мой другъ, твоя вся дума?
Да десять тысячъ что за сумма?

Неужто не найдешь?

Владиміръ

Ахъ, милый другъ! сыщи мнѣ, Бога ради!

Запяткинъ.

Скажи мнѣ, князь, зачѣмъ не продаешь
Ты подмосковную?

Владиміръ.

Досталась мнѣ? Которая отъ дяди

Запяткинъ.

Ну, да! что толку въ ней?

Доходу нѣтъ; возись съ огромнымъ садомъ;
То хлѣбъ не родился, то выбьетъ его градомъ;

Вѣдь деньги во сто разъ вѣрнѣй.

А есть охотничекъ; быть можетъ, сорокъ тысячъ
Заплатить за нее.

Владиміръ.

И больше ни гроша?

Запяткинъ.

Неужто дешево? Пятьсотъ рублей душа;
Да я себя позволю высѣчь,
Когда покупщика мы выгоднѣй найдемъ.
Повѣрь мнѣ, князь, пускайся смѣло!

Владиміръ.

А лѣсъ-то, душенька?

Запяткинъ.

Такъ чтожъ! велико дѣло,
Сосновый лѣсъ! Да чортъ-ли въ немъ!
Къ тому-жъ одни кусты; едва и третья доля
Пойдетъ на что-нибудь.
А впрочемъ, князь, твой умъ, твоя и воля;
Но только не забудь,
Что есть долги, которые отсрочки
Не терпятъ никакой.

Владиміръ.

Да если денегъ нѣтъ?

Запяткинъ.

Такъ все продай, останься безъ сорочки,
А проигрышь плати

Владиміръ.

Спасибо за совѣтъ!

Запяткинъ.

Но средства нѣтъ другого.
Подумай, князь, вѣдь ты игралъ на слово,
А слово честное важнѣе веселей.

Владиміръ.

Ну, если этотъ грѣхъ нельзя ничѣмъ поправить,
Такъ быть по твоему.

Запяткинъ.

Имѣю честь поздравить,
Вы съ деньгами. Теперь прошу быть веселѣй.
(Смотритъ въ галлерей).

Ого! да нынче тьма народа,
И сколько новыхъ лицъ!
А это кто идетъ?... вонъ подлѣ двухъ дѣвицъ?

Владиміръ.

Такъ ты не знаешь этого урода?
Бѣдняжка!—онъ сталъ ужь очень старъ!
Вотъ истинно старинныхъ русскихъ баръ
Живой образчикъ:

Шутовъ онъ любить безъ ума;
Дворецкій у него *Фома*;
Претолстый пьяница приказчикъ,
По имени *Фаддей*,

Двѣ дочери, точь-въ-точь немывтыя кухарки;
Въ лакейской тѣмъ общипанныхъ людей...

Запяткинъ.

А въ люстрахъ сальные огарки...

Владиміръ (*смотря на галлерей*)
Что вижу я? Да точно такъ, — онъ!

Запяткинъ.

О комъ ты говоришь?

Владиміръ.

Объ этихъ двухъ сестрицахъ,
Которыхъ я встрѣчалъ во всѣхъ столицахъ—
О Лидныхъ. Мы нѣсколько съ родни,
Въ Парижѣ встрѣтились и очень подружились;
Онѣ, конечно, тамъ немножечко срамились,
Да жили весело! Ужъ какъ ихъ удивлю
И какъ обрадую! Я очень ихъ люблю:
Онѣ такъ живо мнѣ собой напоминають
Парижъ, Пале-рояль...

(*Проходятъ двѣ дамы; одна изъ нихъ одѣта съ большими претензіями и безъ всякаго вкуса. Запяткинъ ей кланяется*).

Ого, какъ щеголяютъ

Твои знакомыя: и перья и цвѣты...

Запяткинъ.

Потише, душенька! ея не знаешь ты;
Она позъ, краса и честь всего Арбата.
Ея послѣдняя кантата
Надѣлала ужасный шумъ.

Владиміръ.

Неужели и въ этой есть шутихъ
Претензіи на умъ?

Запяткинъ.

Престранныя!—Она блистаетъ на Плющихѣ.

Владиміръ.

И меркнетъ на Тверской?

Запяткинъ.

Нельзя же всю Москву

Плѣнять своимъ талантомъ.

(По сценѣ проходитъ молодой человекъ, одѣтый по послѣдней модѣ. Запяткинъ ему кланяется).

А, здравствуйте!

Молодой человекъ *(проходя мимо)*.

Bonjour! Comment vous portez vous?

Владиміръ.

Вотъ истинно одѣтъ ужь франтомъ!

О, Господи! Да онъ одѣланъ весь подъ лакъ!

Жабо, въ чулкахъ!... Какъ будто бы на балѣ...

Неужто не дуракъ?

Запяткинъ.

О, нѣтъ! и онъ уменъ!... въ своемъ кварталѣ—

За Яузой.

(Молодой человекъ подходитъ къ дамамъ и начинаетъ любезничать).

Владиміръ.

Какой нарядный шутъ!

Смотри, смотри! какимъ рассыпался онъ бѣсомъ!

Запяткинъ *(увидя входящую княгиню Дутикову)*.

Ай, ай! вотъ барыня! Ну эта вѣрно съ вѣсомъ!

Ахъ, батюшки! Да въ ней сто пудъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Тѣ-же, и княгиня Глафира Саввишна Дутикова.

Княгиня Дутикова *(запыхавшись)*.

Ахъ, смерть моя! Едва я двигаю ногами!

Владиміръ *(идя къ ней навстрѣчу)*.

Глафира Саввишна! Что съ вами?

Княгиня Дутикова.

Ахъ, это вы?... Bonjour, mon prince! Нѣтъ силъ!
Я такъ измучилась! Въ саду и въ галлерей
Скамейки заняты!

Владиміръ (*подавая ей кресло*).
Садитесь поскорѣй!

Княгиня Дутикова (*сидя*).
Мегсі! Теперь дышу!

Владиміръ.
Вамъ лучше?... Очень радъ!

Княгиня Дутикова.
Какъ видно, князь, что вы живали за границей;
А здѣсь! О, Боже мой!.. Повѣрите-ль, весь садъ
Обѣгала я съ вашею сестрицей,
И чтожь?... Невѣжи, мужики!
Никто не тронулся; добро бы старики,
А то и мальчики, засѣли, развалились,
И мѣста не даютъ. О, если-бъ не дѣла,
Такъ завтра бы со мною вы простились.

Владиміръ
Да вы не въ шутку разсердились.

Княгиня Дутикова.
Какъ вспомню, князь, когда я въ Ревелѣ была..

Владиміръ.
Вы были въ Ревелѣ?...

Княгиня Дутикова.
Тому назадъ два года.
Вотъ истинно прелестный край!
Тамъ все не то—и люди, и природа.

Владиміръ.
Неужели?...

Княгиня Дутикова.
Ахъ, князь, тамъ сущій рай;
А сверхъ того какое просвѣщенье!

Владиміръ.
Нѣтъ, шутите?

Княгиня Дутикова.

А что за обращенье!

Какой отличный тонъ!

Что слово, то поклонъ.

Какое общество, какіе нравы!

А всё публичныя забавы

Не то, что здѣсь! Когда я въ Ревелѣ была,

Давали оперу, не помню я какую,

Но только всѣхъ она съ ума свела;

А здѣсь о музыкѣ я даже не толкую.

Въ Москвѣ живемъ мы по уши въ снѣгу,

А въ Ревелѣ... ахъ, вспомнить не могу!

Какая разница! Повѣрите-ль, тамъ сладко

И воздухомъ дышать. У насъ въ Москвѣ—Камчатка,

А тамъ...

Владиміръ (*улыбаясь*)

Италія?

Княгиня Дутикова.

Не вѣрите вы мнѣ?

Спросите у сестры моей, княгини Анны;

Я вмѣстѣ съ ней брала морскія ванны;

И мы теперь горимъ какъ на огнѣ,

Чтобъ какъ-нибудь скорѣй намъ въ Ревель перебраться.

Владиміръ.

Надолго-ли?

Княгиня Дутикова

Какой тутъ срокъ!

Да я готова тамъ на цѣлый вѣкъ остаться.

Я сохну здѣсь, какъ скошенный цвѣтокъ!

Владиміръ.

Ну, кто подумаетъ, что вы больны серьезно!

Какой прекрасный цвѣтъ, какой блестящій взглядъ!

Княгиня Дутикова.

Ахъ, князь! Вы знаете, какъ я нервозна,

А здѣшнее житье и скверный нашъ климатъ,

И скука смертная, и сплетни, и злословье,

Совсѣмъ разстроили мое здоровье.

Когда я въ Ревелѣ была,

Не знала докторовъ и ѣла все на свѣтѣ;

А здѣсь всегда на строгой я діетѣ,

Всегда голодная встаю изъ-за стола,

И такъ слаба, какъ маленькій ребенокъ.

Запяткинь (въ сторону).

Бѣднягечка!

Княгиня Дутикова.

Ну, точно какъ цыпленокъ,
По зернышку клюю. Вотъ, помните, при васъ:
Бульону чашечка, желе, бифштексъ, котлетка,
И больше ничего,—а пью одинъ лишь квасъ.

Владиміръ.

И портеръ иногда?

Княгиня Дутикова.

Ахъ, нѣтъ! отбѣнно рѣдко;
Для груди пью.

Владиміръ.

А грудь вамъ надобно беречь:
Кто такъ поетъ, какъ вы...

Княгиня Дутикова.

И, полноте смѣяться!

Владиміръ.

Помилуйте! да вамъ должны всѣ удивляться;
И если ужъ зашла у насъ объ этомъ рѣчь,
Такъ я всегда схожу съ ума, горю, пылаю,
Когда поете вы: «Я птичкой быть желаю!»

Княгиня Дутикова.

Шалунъ!

Владиміръ.

Еще романсъ пѣвали вы одинъ:
«Увы! когда была я безпорочна»..

Княгиня Дутикова.

Да это ужъ давно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Пустельгинъ.

Княгиня Дутикова.

Что вижу я! Такъ точно!...

Андрей Андреичъ Пустельгинъ!
Насилу-то его хоть здѣсь мы увидали.

Пустельгинъ (Дутиковой).
Madame!—(Запяткину). Bonjour, mon cher!

(Владимиру).

А, здравствуй, князь!

Княгиня Дутикова.
Что съ вами сдѣлалось? Куда вы пропадали?

Пустельгинъ.
Я въ подмосковной жилъ пять дней—какая грязь!
Вчера пятнадцать верстъ я цѣлый день тащился;
Пріѣхалъ, наконецъ, немного освѣжился,
И тотчасъ на Тверской отправился бульваръ;
Тамъ встрѣтилъ кой-кого, гулялъ, гляжу—пожаръ!
И близко, кажется. Ну, видно самъ лукавый
Шепнулъ мнѣ на ухо!—на дрожки, поскакалъ,
И чтожь? Горитъ за Троицкой заставой!
Замучилъ лошадей, до смерти самъ усталъ;
Скачу назадъ—все пусто на бульварѣ.
Вотъ я отправился на балъ къ сестрѣ Варварѣ
И пробылъ у нея почти до трехъ часовъ.

Владимиръ.
Скажи, мой другъ, когда ты спишь?

Пустельгинъ.
И самъ не знаю.

Запяткинъ.
Вотъ жизнь, подумаешь!

Владимиръ.
Не радъ, а будь готовъ!

Пустельгинъ.
Ахъ, князь! И я ужъ начинаю
Старѣть, и мнѣ подчасъ немножко тяжело;
Сегодня, напримѣръ, я въ Красное Село
Поѣду, Волгина съ днемъ ангела поздравить;
Хоть могъ бы я себя отъ этого избавить,
Живетъ онъ далеко, но добрый онъ старикъ
И родственникъ мой дальній,
Такъ надобно; а послѣ на пикникъ,
А тамъ на балъ, а тамъ на завтракъ танцевальный,
Тамъ на вечеръ,—ну, мочи нѣтъ!
Всѣ эти праздники, не спорю, очень милы,
Да, право, не достанетъ силы....

Владиміръ.

И, полно! У тебя натура хороша.

Пустельгинъ.

Но вѣкъ не выходитъ изъ танцевальной залы ..

Владиміръ

Такъ чтожь? Тебѣ въ Москвѣ приказаны всѣ балы:
Такъ дѣлать нечего, трудись, моя душа!

Пустельгинъ.

Безъ отдыха пять дней—ну, право, это шалость.

Княгиня Дутикова.

Не знаете-ль, Иванъ Степановичъ каковъ?
Здоровъ-ли онъ?

Пустельгинъ.

Иванъ Степановичъ Сундуковъ?

Такъ вы не слышали?

Княгиня Дутикова.

А что?

Пустельгинъ

Какая жалость!

Онъ.. человекъ съ отличнымъ былъ умомъ...

Княгиня Дутикова.

Онъ умеръ?

Пустельгинъ.

Поутру вчера, часу въ седьмомъ.

Владиміръ.

Въ седьмомъ часу?—(Заяткину). А я съ нимъ видѣлся въ
десятомъ;

Живехонекъ, и будетъ на водахъ.

Пустельгинъ.

Ну, что ему теперь въ имѣніи богатомъ!

Княгиня Дутикова.

Да что съ нимъ сдѣлалось? Хотя онъ былъ и въ годахъ,
Но свѣжъ еще.

Пустельгинъ.

Тутъ есть моральная причина:

Въ немъ совѣсть возмущала какой-то тайный грѣхъ,

Княгиня Дутикова.

Неужели?

Пустельгинъ.

Тяжка была его кончина!

Княгиня Дутикова.

Бѣдняжечка!

Пустельгинъ.

Онъ каялся при всѣхъ

Въ какомъ то страшномъ преступленьи.

Княгиня Дутикова.

Я внѣ себя отъ удивленья!

Покойникъ былъ такъ добръ.

Пустельгинъ.

Да, видно, не всегда.

Въ послѣднія свои минуты

Онъ требовалъ къ себѣ какой-то все Анюты.

Онъ, видно, съ ней знакомъ былъ въ старые года.

Княгиня Дутикова.

И, вѣрно, погубилъ ее?

Пустельгинъ.

Потомъ оставилъ;

На этотъ счетъ онъ былъ всегда безъ правилъ;

За то не слышалъ я, хотя давно живу,

Чтобъ кто-нибудь такъ съ жизнью разставался.

Княгиня Дутикова.

Онъ былъ все въ памяти?

Пустельгинъ.

Почти не забывался;

Но что всего страннѣй: онъ видѣлъ наяву...

Да нѣтъ!—я этимъ васъ ужъ слишкомъ напугаю...

Княгиня Дутикова.

Не бойтесь!

Пустельгинъ.

Къ тому-жъ, я полагаю

Что это такъ, одинъ лишь бредъ:

Къ чему рассказывать...

Княгиня Дутикова.

Скажите мнѣ! Вѣдь я люблю до смерти
Всѣ ужасы...

Ахъ, нѣтъ!

Пустельгинъ (*вполголоса*).

Ему мерещелись все черти.

Княгиня Дутикова.

О, Господи!

Пустельгинъ.

Ужъ онъ едва былъ живъ,
Какъ вдругъ глаза его ужасно заблистали,
А волосы всѣ дыбомъ стали...

Владиміръ.

Помилуй, душенька, покойникъ былъ плѣшивъ.

Дутикова (*князю*).

Эхъ, полноте! (*Пустельгину*). Ну, чтожъ вы замолчали?

Пустельгинъ (*съ досадою*).

Я больше этого не знаю ничего;
Къ тому-же мой рассказъ, какъ видно, не достойный
Вниманья князева...

Княгиня Дутикова.

Не слушайте его!

Владиміръ.

А, кстати, вотъ и самъ покойный;
Онъ все расскажетъ вамъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Иванъ Степановичъ Сундуковъ.

Княгиня Дутикова.

Что вижу! Сундуковъ.

Пустельгинъ.

Возможно ль?... Онъ воскрес!

Запяткинъ.

И, кажется, здоровъ!

Владиміръ.

Да это мертвецовъ всегдашняя примѣта.

Пустельгинъ (*подходя къ Сундукову*).

Иванъ Степановичъ! Вы-ль это?

Сундуковъ.

Я, батюшка.

Пустельгинъ.

Ну, что вы, каковы?

Здоровы-ли?

Сундуковъ.

Таскаюсь понемногу.

Пустельгинъ.

Вы были при смерти больны?

Сундуковъ.

Нѣтъ, слава Богу;

Денька два-три страдалъ отъ головы,
Да кашель былъ; теперъ здоровъ покуда,
Что дастъ Господь впередъ!

(*Уходитъ*).

Пустельгинъ.

Ну, право, это чудо!

Княгиня Дутикова.

Андрей Андреевичъ! Да вы людей какъ мухъ
Изволите морить.

Пустельгинъ.

Но этотъ слухъ

Не я вѣдь пропустилъ. Я очень огорчался;
Когда сказали мнѣ, я плакалъ какъ дитя.

Владиміръ.

А я такъ думаю, что точно онъ скончался;
А, можетъ быть, живымъ прикинулся шутя.

Запяткинъ.

И, нечего сказать, прикинулся отлично!

Пустельгинъ.

Да тотъ, кто мнѣ сказалъ, все это слышалъ лично
Отъ доктора его, Ивана Фомича.

Запяткинъ.

Чего-же вамъ еще? Свидѣтельство врача;
Вѣдь это было не заочно,
И докторъ видѣлъ самъ?

Владиміръ (*Пустельгину*).

Повѣрь, онъ умеръ точно!

Княгиня Дутикова.

А ходитъ хорошо.

Владиміръ.

Да это сгоряча.

Пустельгинъ.

Ахъ, Боже мой! Да вы меня-совсѣмъ забли.
Помилуйте!... Ай, ай!.. Никакъ идетъ сюда
Анисья Дмитревна?... Ну, такъ и есть! бѣда!
Я не былъ у нея почти ужъ три недѣли,
И если попадусь не въ добрый часъ,
Такъ Боже упаси! (*клянясь Дутиковой*). Надѣюсь повстрѣ-
чатся!

Дутикова.

Хорошій человѣкъ, а, надобно признаться,
Ужасно жетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Анисья Дмитриевна и княжна.

Анисья Дмитриевна (*княжнѣ*).

Да, да, въ послѣдній разъ!

Постой! Здѣсь, кажется, просторно,
И даже есть присѣсть на чемъ.
Ну, мать моя, благодарю покорно!
Впередъ меня и калачомъ
Не выманншь на эти воды!
Такого сборища средясь я никогда
Не видѣла нигдѣ,—и что здѣсь за народы!

Княжна.

Здѣсь общество хорошее всегда...

Анисья Дмитриевна.

Не общество, а рынокъ здѣсь толкучій;
Всѣ въ шляпахъ, въ сюртукахъ, толпятся, бродятъ кучей,

И грубость ихъ изъ всѣхъ выходитъ мѣрь;
Хоть князь Бирюлькинъ, напиримѣрь:
Со мною встрѣтился, и шапки не ломаетъ!
Мальчишка, негодяй! Да развѣ онъ не знаетъ,
Кто я, и чѣмъ мой былъ покойный мужъ?
Чай, гордость глупая въ башку засѣла:
Князя Бирюлькины—велико дѣло!
Да ихъ въ одной Москвѣ семьсотъ наличныхъ душъ!
Вотъ князь Иванъ Ильичъ—такъ князь... Ты здѣсь, Володя?

Владиміръ.

Здѣсь, бабушка!

Анисья Дмитріевна.

Ахъ, ты хвастунъ, хвастунъ!
Ну, что ты насаказалъ?... Я смерть устала ходя,
А что здѣсь путнаго?

(Запяткинъ подаетъ ей стулъ; она киваетъ головой. Запяткинъ кланяется).

Смотри, какой шаркунъ!
Туда-жъ кобенится, какъ будто благородный!
Мѣщанскій сынъ!

Владиміръ.

Чего-жъ хотите вы?
Хоть это не Карлсбадъ,—здѣсь духъ народный
Совсѣмъ не тотъ; однакожъ, для Москвы
Живеть: опрятный домъ и видъ прекрасный;
Больныхъ не много есть, за то здоровыхъ тѣмъ.
Конечно, былъ-бы трудъ напрасный
Искать здѣсь пищи для ума;
За то одѣты всѣ нарядно,
Всѣ фразы модныя въ ходу,
И даже музыка въ саду

Анисья Дмитріевна.

Да, батюшка, пищитъ изрядно:
Могла-бы лучше быть.

Владиміръ

Помилуйте, зачѣмъ?
Вѣдь мы на этотъ счетъ совсѣмъ не прихотливы.

Анисья Дмитріевна *(увидя Дутикову)*.
Глафира Саввишна!

Княгиня Дутикова.

А, здравствуйте!

Анисья Дмитриевна.

Вы живы?

Не стыдно-ль, мать моя, забыть меня совсѣмъ!
Ну, какъ не завернуть ко мнѣ,—живешь такъ близко.

Княгиня Дутикова.

И, право, все больна.

Анисья Дмитриевна.

Больна, а лѣзетъ врозь!

Совсѣмъ испортилась, хотъ брось!

(цѣлуются и межъ собой разговариваютъ).

Владиміръ *(княжна, которая держитъ въ рукѣ записку)*

Что это у тебя? Любовная записка?

Княжна.

Ну, да!

Владиміръ.

Отъ Лидина?

Княжна.

И это отгадал!

Владиміръ.

Да онъ былъ здѣсь?

Княжна.

И все гулялъ со мною.

Владиміръ.

Вдвоемъ?

Княжна.

Ахъ, да!—и точно какъ съ женою:

Глядѣлъ по сторонамъ, молчалъ...

Владиміръ.

Какой вандал!

Все можетъ говорить, а входитъ въ переписку!

И, вѣрно, самъ вручилъ тебѣ записку!

Княжна.

Да, самъ.

Владиміръ.

Вотъ что! Intrigue epistolaire!

Ужъ нечего сказать, преловкій кавалер!

Княжна.

Когда онъ сталъ со мной прощаться,

То все твердилъ, что мой отвѣтъ

Рѣшитъ его судьбу.

Владиміръ.

Да полно защищаться!
Сдавайся поскорѣй! Вѣдь скоро тридцать лѣтъ,
Такъ долго-ль до бѣды, какъ разъ въ убыткѣ чистомъ;
Пройдетъ еще весна, а много-много двѣ —
Анъ глядь: княжна сидитъ за вистомъ,
И токъ на головѣ.
Эй, душенька, смотри!

Княгиня Дутикова (*взглянувъ на часы*).
Три четверти седьмого.

Анисья Дмитріевна.
Куда бѣжишь? Дай мнѣ сказать два слова!

Княгиня Дутикова.
Мнѣ время пить.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же безъ Дутиковой, вскорѣ Полканова и
Машенька.

Анисья Дмитріевна (*смотря вслѣдъ Дутиковой*).

Какой всѣ кинулись толпой.
Голубчики мои! Спѣшать на водопой!
Ну, москворѣцкая водица,
Вошла ты въ честь!

Владиміръ.

Что, душенька сестрица,
Ты видѣла мою сильфиду? Какова?
Да вотъ она!... Прощай!

(*Убѣгаетъ*).

Запяткинъ (*посмотрѣвъ вслѣдъ за Владиміромъ*).

Пустая голова!

Тебѣ все надобны приманки:
Добро, ужъ такъ и быть—еще разокоь иль два
Свожу тебя къ моей италіянкѣ,
А тамъ и Богъ съ тобой!

(*Уходитъ въ противоположную сторону*).

Княжна (*Анисья Дмитриевна*).

Мнѣ скоро пить пора.

Анисья Дмитриевна.

А много-ль кружекъ пьешь?

Княжна.

Сегодня восемь ровно.

Анисья Дмитриевна.

А скоро-ли дойдешь до цѣлаго ведра,
Не знаешь, матушка? Ахти! Федосья Львовна!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Полканова.

Полканова (*кланяясь*).

Анисья Дмитриевна!

Анисья Дмитриевна.

Насилу Богъ привелъ

Увидѣть васъ въ Москвѣ!

Полканова.

Я также съ нетерпѣньемъ

Желала видѣть васъ, и завтра же съ почтеньемъ

Явлюся къ вамъ.

(*кланяется*).

Анисья Дмитриевна.

Когда я ѣздила въ Орелъ,

Вы такъ меня своею лаской обязали!

(*кланяется*).

Полканова (*кланяясь*).

А вы меня въ Москвѣ какъ друга принимали.

Анисья Дмитриевна.

И чѣмъ достойна я, за что и почему?

Полканова.

вмѣстѣ.

Помилуйте! Да это ужь обидно!

Анисья Дмитриевна.

Мнѣ, право, слышать стыдно!

Полканова.

Какіе въ вашемъ я дому
Всегда имѣла агременты..

Анисья Дмитріевна.

И, полноте...

Полканова.

Когда я въ прошлый разъ была
Со всей моей семьей...

Анисья Дмитріевна.

Оставимъ комплименты.
Скажите, матушка, вы прямо изъ Орла?
Что всё орловскіе?

Полканова.

Да такъ, живутъ исправно;
Велѣли кланяться.

(кланяется).

Анисья Дмитріевна.

Что Марья Николаевна?

Полканова.

Давно не видѣла; здорова, говорятъ.

Анисья Дмитріевна.

Все такъ-же весела?

Полканова.

Охъ, матушка, наврядъ!
Она смѣется вслухъ, а плачетъ втихомолку.

Анисья Дмитріевна.

Вотъ то-то-же! Все лѣзла въ знатный кругъ...

Полканова.

Имѣнье прожила безъ толку,
Мотала все...

Анисья Дмитріевна.

А свой товаръ не сходить съ рукъ...

Полканова.

Да, дочки у нея ужъ взрослые дѣвицы;
Недаромъ изъ столицы
Изволила пріѣхать къ намъ:

По ярмаркамъ повозить ихъ, а тамъ
На выборы, да къ Липецкимъ водамъ,
Затѣетъ вечера, театры, фанты;
А напп-то всѣ франты
Гурьбою къ нимъ,—и вдругъ, глядишь, исподтишка...
Дай, дай Господь имъ женишка!

Анисья Дмитріевна.
Дай Господи!

Полканова.
Хотя бъ для старшей, Катерины;
Вѣдь дѣвка добрая и съ нею мы въ роднѣ:
Я мать ей крестная.

Анисья Дмитріевна.
А что, скажите мнѣ,
Надолго-ль въ наши палестины?

Полканова.
Да какъ прикажутъ доктора:
Они находятъ всѣ, что я слаба, стара,
И что мнѣ надобно, болѣзнь не запуская,
Здѣсь воду пить.

Анисья Дмитріевна.
Не лучше-ли вино?
А какъ зовуть ее?

Полканова.
Охъ, больно мудрено!
Брунъ-Креиць, матушка,—да гадость-то какая.
Вотъ такъ съ души и преть!
Вѣдь внучка ваша также пьетъ?

Анисья Дмитріевна.
Пьетъ, матушка!

Полканова.
А вы?

Анисья Дмитріевна.
Благодарю покорно!
Я пью Трехгорную. Такъ вы у насъ въ Москвѣ
Пробудете?

Полканова.
Авось недѣльки черезъ двѣ
Отпустятъ, матушка.

Анисья Дмитриевна.

Къ чему-же такъ проворно?

Полканова.

Дѣлишки дома есть; а здѣсь мои дѣла
Я всё окончила: всёмъ нужнымъ закупила,
Съ мадамой русской порѣшилась,
Мусью француза наняла...

Анисья Дмитриевна.

Ну что, хорошъ?

Полканова.

Бредеть покуда.

Анисья Дмитриевна.

Въ лѣтахъ?

Полканова.

Лѣтъ двадцать пять иль шесть.

Анисья Дмитриевна.

Охъ, это худо!

Полканова.

Паспорты онъ свои въ Парижѣ позабылъ,
А говорить, что въ службахъ разныхъ былъ.
Но гдѣ служилъ, кому, какимъ манеромъ—
Не знаю, матушка; а былъ онъ офицеромъ,
Все ѣздилъ по морямъ

Анисья Дмитриевна.

И, мать моя! французъ—такъ онъ семи царямъ

Отслужить на однѣхъ подметкахъ;

А, чай, вѣрнѣй всего, толкъ знаетъ въ папильеткахъ,

И съ гребнемъ онъ служилъ. Вѣдь нынче ужъ не то:

Я помню, въ старину бывали все аббаты,

Народъ превѣжливый; теперь, посмотришь, кто?—

Въ усахъ, въ хохлахъ, буйны, хваты—

Вотъ такъ бы всѣхъ дубиной со двора!

Княжна (*Анисья Дмитриевна*).

Пойдемте, бабушка; мнѣ, право, пить пора.

Анисья Дмитриевна.

Эхъ, полно, мать моя!

Полканова.

И мнѣ давно ужъ время.

Анисья Дмитриевна.

Лѣчить себя водой, конечно, всё вольны,
Не спорю я,—да чѣмъ же вы больны?

Полканова.

Кто? Я? Помилуйте! Стучить все въ темя,
Удушье схватить иногда...
Да что и говорить, болѣзней всякихъ бездна;
Подчасъ вздохнуть не можно безъ труда.

Анисья Дмитриевна.

А москворѣцкая вода
Отъ этихъ недуговъ отъменно какъ полезна.
Пойдемте поскорѣй!

(Анисья Дмитриевна, Полканова и княжна уходятъ направо отъ зрителей).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Князь Радугинъ, Котомкинъ, графъ Мишурскій, баронъ Турухтановъ и Пустельгинъ *(выходятъ изъ среднихъ дверей).*

Князь Радугинъ.

Здесь, мною, господа!
Сюда! Присядемте! *(Всѣ садятся).* Ну, что?...

Графъ Мишурскій.

Да, здѣсь прелестно!
Просторно и свѣжо.

Пустельгинъ.

А тамъ—терпѣнья нѣтъ!

Баронъ Турухтановъ.

Въ саду печеть, а въ галлерей тѣсно.

Котомкинъ.

Вы поздно ѣздите, баронъ!

Баронъ Турухтановъ.

Нельзя-жъ чѣмъ свѣтъ
Въ мои года вставать съ постели.

Котомкинъ.

Да въ ваши-то года и вредень долгій сонъ.

Баронъ Турухтановъ.

А я вамъ докажу...

Князь Радугинъ.

И, полноте, баронъ!

Давайте говорить о дѣлѣ.

Что слышно новаго?

Графъ Мишурскій.

Да много кой-чего;

На-дняхъ увидите...

Пустельгинъ (*перевивая*).

Большое производство?...

Князь Радугинъ.

Ну, такъ и есть!

Графъ Мишурскій.

Не слушайте его!

Совѣмъ не то: выходить руководство

Къ познанью русскихъ всѣхъ производящихъ силъ

И средству вѣрному умножить капиталы.

Князь Радугинъ (*барону*).

Которымъ насъ баронъ, конечно, подарилъ?

Баронъ Турухтановъ.

Помилуйте! Мои способности такъ малы!

Конечно, опытъ мой и постоянный трудъ

Мнѣ право, можетъ быть, со временемъ дадутъ

читать себя не вовсе бесполезнымъ;

Я могъ-бы, какъ другой, легко прослыть любезнымъ;

Охриплымъ теноромъ кой-какой романсъ провить;

У старыхъ дураковъ просить во всемъ совѣта,

Придакивать, и прямо съ бальнаго паркета

Шагнуть въ министры, можетъ быть;

Но я плохой угольникъ свѣта;

Въ глазахъ невѣждъ—я неучъ и педантъ...

Пустельгинъ.

И, полноте! вашъ умъ, ученость и талантъ...

Баронъ Турухтановъ.

Повѣрьте мнѣ, пройдутъ, конечно, вѣки,

Пока въ моемъ отечествѣ родномъ

Поймутъ меня.

Князь Радугинъ (*графу*).

Какой глубокой экономъ!

Котомкинъ (*тихо Пустельгину*).

А все имѣние въ опеку.

Графъ Мишурскій.

Мнѣ помнится, баронъ, еще готовишь ты
Для русской публики подарокъ...

Баронъ Турухтановъ.

Да! Мысль моя о томъ, чтобъ, вмѣсто нашихъ барокъ,
Устроить по рѣкамъ летучіе плоты.

Князь Радугинъ.

Большой трактатъ?

Баронъ Турухтановъ.

Изрядный будетъ томець:
Листахъ на двадцати, и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Пустельгинъ (*князю*).

А, кстати, князь! Вы слышали, иль нѣтъ,
Вѣдь общій нашъ знакомецъ,
Финтюлькинъ, помѣщенъ...

Князь Радугинъ.

Иванъ Козьмичъ?

Пустельгинъ.

Ну-да!

Котомкинъ.

Добился своего!

Князь Радугинъ.

Вы знаете куда?

Пустельгинъ.

Директоромъ въ одномъ казенномъ заведеніи.

Графъ Мишурскій.

Такъ онъ теперь въ хорошемъ положеніи?

Котомкинъ.

Въ мѣстечко теплое залѣзь!

Князь Радугинъ.

Какое теплое! Вѣдь нынче все въ обрѣзь.

Баронъ Турухтановъ.

А экономія плохая!

Котомкинъ.

И, князь! Кой-гдѣ кроха, посмотришь, тамъ другая,
А все перепадетъ, была-бы голова.
Ремонтъ на домъ, казенные дрова,
Полсотни человѣкъ команды гарнизонной,
Да то, да се—анъ глядь, такъ съ хлѣбцемъ вся семья!

Князь Радугинъ.

Какой тутъ хлѣбъ!

Котомкинъ.

Какой!... Да пусть мнѣ воробья
Дадутъ кормить на счетъ казенный,
Такъ, вмѣстѣ съ нимъ, я... лошадь прокормлю!

Графъ Мишурскій (*улыбаясь*).

Я эту искренность отмѣнно какъ люблю.
Такъ вы?...

Котомкинъ.

Не я... а есть такіе доки.

Я глупъ: во мнѣ есть разные пороки;
Но если вамъ скажу, такъ, право, не солгу,
Что это воровство и эти безпорядки

Спокойно видѣть не могу:

Я честный человѣкъ!

Пустельгинъ (*тихо барону*).

А выключенъ за взятки.

Графъ Мишурскій.

Ахъ, Боже мой! Чуть-чуть не позабылъ!

Пустельгину).

Андрей Андреевичъ! На новости ты былъ
Всегда ходокъ; но эту врьдъ-ли знаешь!

Пустельгинъ.

Кто? я?... Не можетъ быть!

Графъ Мишурскій.

А если не окажу,

Такъ вѣкъ не отгадаешь;

Я этимъ васъ какъ громомъ поражу:

Андрей Степановичъ Правдинъ....

Пустельгинъ (*перерывая*).

А! слышалъ!

На этихъ дняхъ въ отставку вышелъ?

(*Графъ качаетъ головой*).

Съ женою развелся?...

Князь Радугинъ.

Помилуй! Онъ вдовецъ.

Пустельгинъ.

Да, точно,— виноватъ! Пойдите, вовсе сбился...

Вѣдь это братъ его,—а онъ опять женился.

Графъ Мишурскій.

О, нѣтъ; совсѣмъ не то.

Князь Радугинъ.

Да что-же наконецъ?

Графъ Мишурскій (*поглядѣвъ на встѣхъ молча*).

Въ совѣтъ опредѣленъ.

Баронъ Турухтановъ.

Въ совѣтъ?

Князь Радугинъ.

Ахъ, мой Творецъ!

Прошу сказать, въ какомъ живемъ мы свѣтѣ,

Андрей Степановичъ Правдинъ сидитъ въ совѣтѣ!

Да что у насъ или вовсе нѣтъ людей?

Баронъ Турухтановъ.

Въ Европѣ много ихъ...

Князь Радугинъ.

И мы не африканцы.

Помилуйте, баронъ!... Конечно, иностранцы...

Графъ Мишурскій.

Немного русскихъ поумнѣй,

Такъ чтожъ! Мы новыхъ знать не хотимъ ихъ затѣй,
И чтобъ не слушать ихъ, давно заткнули уши;

За то у насъ ревизскія есть души,

Болота, степи и дѣса;

Въ войнѣ мы строимъ чудеса;

Противъ чугунной русской груди

Ничто не устоитъ,—на чтожъ намъ люди

Съ умомъ и головой!

Князь Радугинъ.

Ну, это, милый, вздор!
И если ужъ пошло на споръ...

Графъ Мишурскій.

Побойтесь Бога, князь! мнѣ, право, очень чудно,
Что вы...

Князь Радугинъ.

Такъ доказать не трудно,
Что люди есть у насъ, и такъ-же какъ вездѣ
Есть головы, да только гдѣ?...
На службѣ?... нѣтъ! Они живутъ безъ дѣла;
А если-бы правительство хотѣло,
Такъ можно-бы сыскать и ночью безъ свѣчи
Такихъ людей, какихъ и прежде не бывало.

Баронъ Турухтановъ (*тихо Пустельгину*).
Онъ мѣтитъ на себя.

Пустельгинъ (*также*)

Да полно, замолчи!

Князь Радугинъ.

Повѣрьте мнѣ, у насъ, конечно-бы, достало
Людей съ умомъ на все; но должно ихъ искать;
Нашли, такъ приголубить надо.

Баронъ Турухтановъ.

Да что служить-то за ограда:
Неужели чины васъ могутъ привлекать?

Князь Радугинъ.

Конечно, жить пріятнѣй на покоѣ;
(*входитъ слуга*).
Но кто къ отечеству согрѣтъ огнемъ святымъ...

(*слуга подходитъ къ князю*).
Что надобно тебѣ? (*Слуга подаетъ письмо*). А это что
такое?

Слуга.

Изъ дома вашего прислали съ верховымъ.

Князь Радугинъ.

Пакетъ... ко мнѣ... съ печатью министерской!...
Позвольте, господа!

(*Выходитъ впередъ и распечатываетъ письмо*).

Пустельгинъ (*Котомкину*).

Правдинъ... вѣдь это тотъ,
Что былъ на слѣдствіи?

Котомкинъ.

И мучилъ цѣлый годъ
Честныхъ людей—характеръ самый звѣрскій.
Я также отъ него невинно пострадалъ:
Уважить не хотѣлъ ни лѣтъ моихъ, ни хилость...

Князь Радугинъ (*читая письмо*).

«Почтеннѣйшій мой другъ!...» Кто-жъ это подписалъ?...

смотритъ на подпись)

Князь Любскій!... Самъ министр!... «мой другъ!»..

Какая милость!...

(читаетъ).

«Я очень радъ, что вы хотите снова посвятить себя службѣ;
вамъ грѣшно жить въ отставкѣ».

Ну, видно по всему, министръ большой дѣлецъ,

И знаетъ въ людяхъ толкъ.

«Слѣшу въ короткихъ словахъ увѣдомить васъ, что
вслѣдъ за симъ получите официальную бумагу о вашемъ на-
значеніи».

Очнулись наконецъ!

«Для начала вы займете мѣсто моего товарища».

Товарища!... ого!... Да, этакъ начиная,

Я кончу хорошо!

«Часъ отъ часу здоровье мое становится хуже, я дряхлѣю
примѣтнымъ образомъ и, можетъ быть, скоро... но мы погово-
римъ объ этомъ при свиданіи. Поспѣшите вашимъ приѣздомъ;
здѣсь ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ. Прощайте!»

Да, ваша свѣтлость, да!

Мы поспѣшимъ!... Хотите-ль, господа,

Я новость вамъ скажу,—а новость не дурная,

И вашихъ всѣхъ гораздо повѣрнѣй.

Баронъ Турухтановъ

Всѣ эти новости между собой похожи;

Ужъ вѣрно вздоръ.

Князь Радугинъ.

Ну, нѣтъ!

Пустельгинъ.

Скажите поскорѣй!

Графъ Мишурскій.

Еще какой-нибудь глупецъ попалъ въ вельможи.

Князь Радугинъ.

Попаль—да не глупецъ; и вы, любезный графъ,
На этотъ разъ ошиблися немного.

Графъ Мишурскій.

Не думаю.

Пустельгинъ.

Да что? Скажите, ради Бога!

Князь Радугинъ.

Сейчасъ увидите, кто правъ,

(подавая письмо графу).

Вотъ доказательство—у васъ передъ глазами—

Возьмите трудъ, прочтите самп.

Графъ Мишурскій *(кинувъ бѣлый взглядъ на письмо).*

Возможно-ли!... Такъ вы?...

Пустельгинъ.

Позвольте намъ взглянуть!

(Графъ отдаетъ ему письмо; Пустельгинъ, баронъ и Котомкинъ читаютъ его вмѣстѣ).

Графъ Мишурскій *(князю).*

Я очень радъ!

Князь Радугинъ.

Въ отставкѣ отдохнуть

Хотѣлось мнѣ, хоть я съ министромъ очень друженъ,

Да службы-то боюся какъ огня;

Но если я для пользы общей нуженъ,

Когда и самъ министръ не можетъ безъ меня

Своею частью править,

Такъ дѣлать нечего.

Пустельгинъ.

Имѣю честь поздравить!

Баронъ Турухтановъ.

Сегодня-жъ предложу я въ клубъ первый гость...

Князь Радугинъ.

И, полноте!

Котомкинъ.

Когда достойный русскій баринъ

Займетъ такой высокій постъ,

Такъ сердцу весело.

Князь Радугинъ.

Я очень благодаренъ;
Но васъ прошу до времени молчать.

Пустельгинъ.

Повѣрьте, что никто...

Князь Радугинъ.

Ну, го-то-же, смотрите!
(Глядитъ на часы).

Ого! Пора домой.

Графъ Мишурскій.

Куда-же вы спѣшите?

Князь Радугинъ.

Министру должно мнѣ сегодня отвѣчать,
Такъ мѣшкать нечего. Слуга вашъ! До свиданья!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ князя Радугина.

Пустельгинъ.

Ну, этой новостью похвастать не грѣшно;
Сейчасъ пойду.

(Уходитъ).

Баронъ Турухтановъ (помолчавъ нѣсколько времени).
Что, графъ?

Графъ Мишурскій.

И жалко, и смѣшно!

Баронъ Турухтановъ.

Иванъ Ильичъ—министръ!

Графъ Мишурскій.

И что въ немъ за познанья!
Помилуйте! Въ нашъ вѣкъ любой звонарь
Умнѣй его!

Баронъ Турухтановъ.

Чему и гдѣ учился!

Котомкинъ.

Да! Этотъ князь въ дѣлахъ не покусился
И надобенъ ему не глупый секретарь!

Графъ Мишурскій.

Ну, видно, что совсѣмъ погибла справедливость.

Баронъ Турухтановъ.

Замѣтили-ль, какая горделивость
Явилась въ немъ? Какъ важень сталъ!
Чуть-чуть кивнуль намъ головой.

Графъ Мишурскій.

Нахаль!

Баронъ Турухтановъ.

Глупецъ!

Графъ Мишурскій.

Животное!

Баронъ Турухтановъ.

Вотъ чванства-то прибудеть
Въ Анисѣ Дмитревнѣ! Не станетъ никому
И кланяться.

Котомкинъ.

Куда! Къ ней приступу не будетъ.

Графъ Мишурскій.

А что, баронъ, пойдете къ нему?

Баронъ Турухтановъ.

Къ нему? Зачѣмъ?

Графъ Мишурскій.

Я въ этомъ былъ увѣренъ.

Баронъ Турухтановъ.

Чтобъ сталъ я подличать!

Графъ Мишурскій.

Я также не намѣренъ,

И у дверей его не скоро постучусь.

Баронъ Турухтановъ.

Пожалуй этотъ чванъ—да, да! все можетъ статься,—
Заставить насъ въ передней дожидаться.

Графъ Мишурскій.

Ужь вѣрно не меня.

Котомкинъ (*въ сторону*).

Ну, я не поручусь!

Баронъ Турухтановъ.

А гдѣ, бишь, онъ живетъ?

Котомкинъ.

Все тамъ же—на Покровкѣ.

Баронъ Турухтановъ.

А, да!—Мнѣ надобно туда къ моей золовкѣ
Сегодня утромъ завернуть.

Котомкинъ.

Съ Остоженки... ой, ой! Изрядный путь!

Баронъ Турухтановъ.

А ѣхать надобно: она больна, бѣдняжка.

Графъ Мишурскій.

Елена Власьевна больна?

Баронъ Турухтановъ.

И очень тяжело,

Чуть-чуть не умерла; теперь лучше ей.

Прощайте, графъ!

(*Уходитъ*).

Графъ Мишурскій (*Котомкину*).

Да онъ съ золовкой своей

Былъ въ ссорѣ, кажется?

Котомкинъ.

Такъ, видно, помирился.

Графъ Мишурскій.

Онъ что-то очень торопился...

Мнѣ также надобно проѣхать туда...

Какъ я даль! Легко-ль, подумаешь... бѣда!

Котомкинъ.

Такъ рано ѣхать вамъ, мнѣ кажется, куда?

Графъ Мишурскій.

Хочу взглянуть одну старушку богомолку,

Она встаетъ чѣмъ свѣтъ.

(*Уходитъ*).

Котомкинъ (*глядя вслѣдъ за графомъ*).

Не глупы вы, друзья!

Ругаете его, а сами втихомолку..

А чтобъ и мнѣ?... Такъ чтожь?... Отправляюся и я;

На первыхъ-то порахъ скорѣй добьешься толку:

Авось возьметъ въ секретари!

(*Уходитъ нальво*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Глинскій (*выходитъ съ правой стороны; онъ держитъ въ рукахъ письмо*).

Ну, такъ и есть! и я готовъ держать пари,

Что князь мое письмо знакомымъ всѣмъ читаетъ,

И нынче же весь свѣтъ въ Москвѣ узнаетъ,

Что я служу опять. (*Смотритъ надпись*). Да, точно такъ!

Ошибка въ адресахъ—теперь нельзя никакъ

Секретничать: его письмо ко мнѣ попало,

Такъ, стало,

Мое должно быть у него.

Оно, конечно, ничего

И стоитъ намъ лишь только размѣняться...

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Глинскій и Владиміръ.

Глинскій.

А, князь! Вашъ батюшка?...

Владиміръ.

Отправился домой.

Глинскій.

Такъ я заѣду къ вамъ; мнѣ нужно повидаться.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Владимиръ (и вскорѣ) Запяткинъ.

Владимиръ.

Очнуться не могу!... Да гдѣ Запяткинъ мой?...

(Запяткинъ входитъ).

Насилу встрѣтились! Поди сюда скорѣе!

Ты слышалъ?

Запяткинъ.

Что?

Владимиръ.

А то, чего смѣшнѣе

Ты, вѣрно, въ жизни не слыжалъ?

Запяткинъ.

Да что?

Владимиръ.

Въ товарищи къ министру кто попалъ?

Узнай!

Запяткинъ.

Знакомый нашъ?

Владимиръ.

Весьма.

Запяткинъ.

И здѣшній житель?

Владимиръ.

Природный, коренной москвичъ.

Запяткинъ.

Да кто, скажи!

Владимиръ.

Почтенный мой родитель,

Князь Радугинъ, Иванъ Ильичъ.

Запяткинъ.

Возможно-ли!

Владимиръ.

Что, милый, удивился?

Запяткинъ.

Да какъ онъ этого добился?
Ты шутишь, князь!

Владиміръ.

По чести, не шучу.

Запяткинъ.

Вѣдь онъ въ отставку былъ?..

Владиміръ.

Ну да.

Запяткинъ.

И вдругъ такъ быстро
Подвинуться впередъ! Нѣтъ, вѣрить не хочу.

Владиміръ.

Я видѣлъ самъ письмо за подписью министра;
Надѣюсь, это фактъ.

Теперь комедіи начнется первый актъ:

Толпы просителей въ прихожей,

Въ приемной залѣ—господа;

Иной стоитъ съ предлинной рожей,

Другой какъ мѣдный грошъ. Ужъ то-то мы тогда

Насмотримся на эту спесь и барство,

Когда всѣ милости пойдутъ изъ нашихъ рукъ...

Запяткинъ.

Ну, это хорошо!

Владиміръ (*насмѣливо*).

Для пользы государства?

Для блага общаго?

Запяткинъ.

И нѣтъ! для насъ, мой другъ.

Теперь опять съ тобой мы въ службѣ.

Владиміръ.

Какой ты эгоистъ!

Запяткинъ.

Быть можетъ, но не въ дружбѣ:

Ты это знаешь, князь. Однако-же, прощай!

Ты будешь дома?

Владиміръ.

Нѣтъ! Я нынче званъ на чай

Къ княгинѣ Лелевой, — обѣдаю на дачѣ,
Въ театрѣ, можетъ быть, сосну;
Такъ развѣ вечеромъ...

Запяткинъ.

Когда нельзя иначе,
Такъ я къ тебѣ часу въ десятомъ заверну. (*Уходитъ*).

Владиміръ (*помолдавъ*).

Я много глупостей и вздора
На матушкѣ святой Руси видалъ;
А, признаюсь, никакъ не ожидалъ...
Ну вспомнить не могу!... Папа министр!... Умора!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половинѣ князя Радугина. — Въ глубинѣ театра двери; по бокамъ направо отъ зрителей двери, ведущія на половину Анисы Дмитріевны, налево въ кабинетъ князя Радугина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Князь Радугинъ (*во фракъ сидитъ на креслахъ*). Жоховъ (*сидитъ нѣсколько поодаль, у среднихъ дверей*). Слуга (*въ богатой ливрѣ*).

Князь Радугинъ (*нюхая табакъ*).

Я все еще какъ будто-бы въ чаду;
Не вѣрится!... Вотъ вздоръ! — да это справедливость.
И больше ничего; но требуетъ учтивость,
Чтобъ я благодарилъ... Да скоро-ль попаду
Въ министры я? Князь Любскій пишетъ,
Что онъ и старъ и дряхль; да эти старики
Лишь только охаютъ! — Глядишь, иной чуть дышетъ.

А все сидить! Нѣтъ, это пустяки!
Ему товарищемъ мнѣ можно согласиться
Пробыть полгода, годъ; но долѣе никакъ.

Куда какъ весело трудиться,
Когда вся честь ему!... Да что я за дуракъ!
Нѣтъ, батюшка, пусть тотъ за васъ въ трудѣ
Работаетъ, кто самъ не значитъ ничего;
И если вы меня зовете для того,
Такъ вы, сіятельный, ошиблися въ расчетѣ

И плохо знаете мой нравъ...
А что, подумаешь... вѣдь я не вовсе правъ.
Не спорю я, у насъ дурного очень много;
Но сряду обо всемъ всегда судить такъ строго,
Какъ я судилъ, одинъ лишь можетъ врагъ.
Ну, какъ сказать, чтобъ не было желанья
Улучшить все, когда замѣтно ужъ старанье
Искать людей,—а это важный шагъ!
Въ толпѣ скрывается подчасъ великій геній...
Теперь и мой проектъ поидеть, надѣюсь, въ ходъ,
Какъ государственный умножить намъ доходъ,
И погасить весь долгъ, безъ всякихъ затрудненій...
Увидите, какъ все поидеть, мои друзья,
Когда я въ дѣйствіяхъ моихъ не буду связанъ...
А, кстати о долгахъ!... Мнѣ помнится, что я
Подпиской былъ обязанъ
Не покидать Москвы?... Но я теперь служу,
И кто осмѣлится о долгѣ мнѣ напомнить,
Когда въ министры я гляжу!...

(Смотритъ на часы).

Одиннадцать часовъ! Я думаю, что скоро
Всѣ станутъ прїѣзжать; ужъ вѣрно полъ-Москвы
Обѣздилъ Пустельгинъ и бьетъ набать... Эй, вы!

(Слуга и камердинеръ подходятъ).

Сегодня принимать всѣхъ сряду безъ разбора!

Ты, Жоховъ, будешь за-урядъ
Моимъ секретаремъ.

Жоховъ.

Такъ правду говорить

Что вы...

Князь Радугинъ.

Молчи, дуракъ!

Жоховъ.

А кто-жь подастъ вамъ бриться?

Князь Радугинъ.

Не надобно. Когда прїѣдетъ кто явиться,

Проси здѣсь подождать; скажи, что занятъ я,
Къ министру почту отправляю;
Ты можешь намекнуть—я это позволяю,—
Что отъ хлопотъ мнѣ вовсе нѣтъ житья.
Ну, слышишь?

Жоховъ.

Слушаю.

Князь Радугинъ.

Для всѣхъ одинъ отвѣтъ:
Извольте подождать! Когда я въ кабинетъ
Войду, ты стань, Федотъ... Да гдѣ-же онъ?... Федотка!
Слуга (*очень громко*).
Чего изволите!

Князь Радугинъ.

Тьфу, пропасть! Эка глотка!
Ну, что кричишь, дуракъ! Ты тотчасъ подойдешь
Къ дверямъ—сюда!
(*Показываетъ на двери кабинета*).

Слуга.

Я знаю, сударь!

Князь Радугинъ.

Врешь!

Вотъ Богъ послалъ какого самоучку—
Все знаетъ самъ! Осель!... Смотри и замѣчай!
(*Становится къ дверямъ*).

Стой такъ; одной рукой держись за ручку,
И если спросятъ что, такъ шопотомъ отвѣчай.
Ну, слышишь?

Слуга.

Слушаю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Гв-же, Анисья Дмитриевна и княжна Жоховъ
и слуга (*отходятъ къ дверямъ*).

Анисья Дмитриевна.

Мы, князь, пришли съ Наташей

Къ тебѣ.

Князь Радугинъ.

Эхъ, матушка! Мнѣ, право, время нѣтъ.

Анисья Дмитріевна.

Есть дѣло, мой отецъ; хоть это въ волѣ нашей,
Однакожь надобенъ и твой совѣтъ.

Подайте стулъ! (*Слуга подаетъ*). Я ноги такъ отбила

И такъ устала отъ ходьбы,

Что мочи нѣтъ! (*Садится*). Княжна сегодня получила
Письмо отъ Лидина.

Князь Радугинъ.

Вотъ это очень мило!

Чего-же хочеть онъ?

Анисья Дмитріевна.

Рѣшенія судьбы.

Князь Радугинъ.

Какой судьбы?

Анисья Дмитріевна.

Да развѣ ты не знаешь?

Объ этомъ рѣчь давно идетъ у нихъ.

Князь Радугинъ.

Помилуйте! Да что онъ за женихъ?

Анисья Дмитріевна.

Вотъ слышишь, милая! О чемъ же ты вздыхаешь?

Княжна.

Мнѣ жаль его.

Анисья Дмитріевна.

Ну есть кого жалѣть!

Княжна.

Онъ такъ влюбленъ! Нельзя-жъ ему велѣть
Забывать меня.

Князь Радугинъ.

Тирада изъ романа!

Анисья Дмитріевна.

Министра дочь, женою капитана—
Да это курамъ смѣхъ!

Княжна.

Но можно подождать...

Князь Радугинъ.

Да что тутъ долго разсуждать!
Ужь если дѣлать что, такъ дѣлать надо разомъ.
Вотъ стоить; садись, пиши!

Княжна.

Не нужно! Мой отвѣтъ
Давно готовъ; вотъ онъ!

(Подаетъ ему запечатанное письмо).

Князь Радугинъ.

Ого! большой пакетъ.
Да только съ чѣмъ?

Княжна.

Съ отказомъ.
Я знала напередъ, что бабушка и вы...

Князь Радугинъ.

Плутовка!

Княжна.

Нѣтъ, мнѣ Лидинъ, право жалокъ;
Бѣдняжка!—Онъ совсѣмъ безъ головы.

Анисья Дмитриевна.

И, мать моя! На что ловить намъ галокъ.
Когда поймать мы можемъ соловья!

Князь Радугинъ.

Эй, малый! *(Федотъ подходитъ)*. Вотъ письмо, какъ можно
поскорѣ

Доставить Лидину.

Федотъ.

Прикажете, чтобъ я
Отнесъ?

Князь Радугинъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Пошли съ письмомъ Андрея;
А ты останься здѣсь, и помни свою дверь.
(Федотъ уходитъ; потомъ черезъ минуту возвращается назадъ).
Вотъ дѣло и съ концомъ.—Ну, душенька, теперь
Ты можешь выбирать...

Анисья Дмитріевна.

Безъ всякаго сомнѣнья;

Да только изъ кого?

Князь Радугинъ.

Здѣсь много жениховъ:

Вотъ, Сурскій, напримѣръ, что скажете, каковъ?

Богатъ, умень...

Анисья Дмитріевна.

Глупецъ!

Княжна.

Несносное творенье!

Князь Радугинъ.

Помилюйте! Давно-ль попалъ онъ въ дураки?

Онъ умницей въ Москвѣ считался.

Княжна.

И, полноте! Да онъ лишь за умомъ гонялся...

Анисья Дмитріевна.

И такъ, что растерялъ, бѣдняжка, башмаки.

Изъ службы вышелъ вонъ, таскается по баламъ,

И вѣкъ не будетъ генераломъ.

Князь Радугинъ.

А князь Мальгинъ?...

Анисья Дмитріевна.

Хвастунъ!

Князь Радугинъ.

За то остерь...

Анисья Дмитріевна.

На глупости.

Княжна.

Насмѣшникъ и бретерь.

Князь Радугинъ.

Въ немъ много есть ума...

Анисья Дмитріевна.

И капли нѣтъ разсудка.

Князь Радугинъ.

Однакожь,—онъ не глупъ...

Анисья Дмитриевна.
Ну да,—для здѣшнихъ дурь.

Князь Радугинъ.
Такъ что-же онъ?

Княжна.
Да такъ: дурная шутка,
Давно истасканный въ переднихъ каламбурь.

Князь Радугинъ.
Вамъ угодить рѣшительно нѣтъ средства.
Вы всѣхъ бракуете. Пойдите! вотъ женихъ—
Графъ Зоринскій! Въ виду огромное наслѣдство,
Прекрасное родство; онъ очень скромень, тихъ,
Солидный человѣкъ, всегда уму послушенъ,
Такъ разсудителень...

Княжна.
И такъ безбожно скучень!

Князь Радугинъ.
Ну, вотъ еще!... Конечно, онъ не франтъ...

Анисья Дмитриевна.
Несносный говорунъ...

Княжна.
Ужаснѣйшій педантъ.

Анисья Дмитриевна.
Когда съ нимъ рѣчь о чемъ-нибудь начнется...

Княжна.
Такъ кажется, что онъ твердить урокъ.

Анисья Дмитриевна.
Торчитъ какъ шестъ, спина не гнется,
Ну, точно накрахмаленный платокъ.

Князь Радугинъ.
Итакъ по вашему здѣсь вовсе для Наташи
Нѣтъ партій?

Анисья Дмитриевна.
Конечно, нѣтъ.
Посмотришь—Боже мой!... одинъ другого краше:
Иль глупый франтъ, безъ малаго въ сто лѣтъ,

Иль знатный баричъ безъ пмѣнья;
Тоть моть, а тотъ дурного поведенья;
Одинъ игрокъ, другой мужикъ изъ-подъ сохи...
И, батюшка! Въ Москвѣ какіе женихи!
Оборвышь все—давно я эту мысль имѣла.

Вотъ Петербургъ—другое дѣло.
Какая разница! Приѣдете на балъ,
Такъ любо посмотрѣть: цвѣтъ русской молодежи;
Куда не обернись, все ленты и вельможи;
Тамъ даже и о томъ, кто полный генераль,
Поменьше говорятъ, чѣмъ здѣсь о бригадирѣ...

Князь Радугинъ (*глядя въ окно*)
Приѣхалъ кто-то... Да! и, кажется, въ мундирѣ...

Анисья Дмитріевна.

Являться начали: не должно никому
Отказывать. Чай, вся Москва отмѣнно рада,
Что ты...

Князь Радугинъ.

Позвольте-жъ мнѣ остаться одному!

Анисья Дмитріевна.

Пойдемъ, Наташенька! Дѣламъ мѣшать не надо.
Займись, мой другъ!

(*Анисья Дмитріевна и Наташа уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, безъ Анисьи Дмитріевны и Наташи.

Князь Радугинъ (*Жохову*).

Подай халатъ! Скорѣй!

Жоховъ.

Сейчасъ!...

Князь Радугинъ.

Куда-же ты?

Жоховъ.

Онъ въ вашемъ кабинетѣ.

Князь Радугинъ.

Такъ я надѣну самъ.

(Уходитъ; Федотъ становится къ дверямъ кабинета).

Иванъ (выльывая изъ среднихъ дверей).

Пріѣхалъ гость.

Жоховъ.

Въ каретѣ?

Иванъ.

Нѣтъ, въ дрожкахъ.

Жоховъ.

А, въ дрожкахъ! Остаешься у дверей,

и отвори ему одну лишь половинку.

(Иванъ притворяетъ двери).

А ты, Федотъ, одѣтъ лоскутникомъ всегда;

не стыдно-ли? Отдай ливрею-то въ починку:

увидитъ баринъ—такъ бѣда.

Иванъ (растворяя одну половинку дверей).

Пожалуйте сюда!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Котомкинъ (въ мундирѣ).

Котомкинъ (кланяясь Жохову).

Его сіятельство...

Жоховъ.

Изволить заниматься,

и просить подождать.

Котомкинъ.

Что вижу! Боже мой!

Прокофій Сидорычъ! Да нѣтъ, не можетъ статься...

Жоховъ.

Такъ точно—это я.

Котомкинъ.

Вы прошлою зимой

здѣсь не были?

Жоховъ.

Имѣлъ я порученье

Отъ барина п ѣздилъ кой-куда.

Вы знаете, что намъ досталось имѣнье,

Такъ я отправленъ былъ туда

Кой-что на первый разъ устроить:

Одно продать, другое заложить,

Поправить мужичковъ, оброки всё удвоить.

Котомкинъ.

Ну, какъ ему не дорожить

Такимъ служителемъ! Вѣдь прежній управитель
Мошенникъ былъ...

Жоховъ.

Такой, сударь, грабитель,

Что Боже упаси! Онъ вовсе разорилъ

Его сѣятельство.

Котомкинъ.

Я князю говорилъ:

«Повѣрьте мнѣ, приказчикъ иностранецъ

Бѣда! Въ нихъ толку нѣтъ: одинъ наружный глянecь,

Да рѣчи красныя;—долой его съ двора!

У васъ вѣдь есть, по мплости Господней,

Прокофій Сидорычъ,—онъ, вѣрно, благороднѣй

И во сто разъ честнѣй, чѣмъ этотъ нѣмчура.

Помилуйте!»

Жоховъ.

Я очень благодаренъ.

Котомкинъ.

Насилу-то опомнился твой баринъ!

Еще годокъ или два, такъ этотъ бы пострѣлъ

Совсѣмъ сгубилъ его... А знаешь-ли, приятель,

Я все гляжу и все дивлюсь... ахъ, мой Создатель!

Почтеннѣйшій!... Да какъ ты раздобрѣлъ!

(Лынимая табакерку).

Прикажешь табачку?

Жоховъ.

Нѣтъ, сударь, извините!

Не нюхаю. А если вы хотите,

Такъ грѣхъ не потеаю...

Котомкинъ.

А что? Куришь?

Жоховъ.

Курю.

Котомкинъ.

Вотъ что! Такъ я-жъ тебѣ, любезный, подарю
Картузъ отличнаго,—достался мнѣ случайно:
Малина—не табакъ, и пахнетъ чрезвычайно.

Жоховъ.

Нижайше васъ благодарю.

Котомкинъ.

Такіе табаки въ привозѣ очень рѣдки;
Да вѣдь для милаго дружка
Серейка изъ ушка!

Жоховъ.

Мнѣ совѣстно.

Котомкинъ.

И, вздоръ!... Скажи-ка мнѣ, что дѣтки?
Каковъ твой старшій сынъ?

Жоховъ.

Антошенька?

Котомкинъ.

Да, да!

Бывало, въ старину, онъ былъ со мной всегда

Товарищъ неразлучный.

Куда хороше! такой ребеночекъ тучный,
Красикъ!... А что, чай, сталъ ужъ все онъ понимать?

Жоховъ.

Давно, сударь.

Котомкинъ.

Вотъ я пришлю ему игрушку.

Жоховъ.

Теперь онъ нездоровъ.

Котомкинъ.

Какъ такъ?

Жоховъ.

Да дура мать

Балуеетъ все: вчера въ два фунта съѣлъ ватрушку,
Анъ вотъ и занемогъ.

Котомкинъ.

Бѣдняжка!

Жоховъ.

Пройдетъ!

Котомкинъ.

Эхъ, жаль!...

Жоховъ.

Пускай жена поохаетъ немножко,
Не станетъ баловать впередъ.

Котомкинъ.

А что, скажи-ка мнѣ, здорова-ль эта крошка?...

Жоховъ.

Кто, Феничка?...

Котомкинъ.

Ну, да! Вотъ рѣдкое дитя!
Я помню, грамотѣ училася шутя,
Да умныя какія рѣчи!...
Куда какъ весело имѣть такую дочь!

Жоховъ.

Чего, сударь, проплакала всю ночь.

Котомкинъ.

Что съ нею сдѣлалось?

Жоховъ.

Свалилась какъ-то съ печи,
Да счастливо: разбила только носъ.

Котомкинъ.

Голубушка моя!

Жоховъ.

Бездѣлица! Ее лѣчить не надо,
И такъ пройдетъ.

Да это ничего-съ,

Котомкинъ.

Позволь еще одинъ вопросъ:
За службу вѣрную должна же быть награда, —
Неужто князь въ твоей судьбѣ
Участья не возьметъ?

Жоховъ.

Я былъ всегда въ надеждѣ!...

Котомкинъ.

А что, чай, вольнымъ быть? Да это было прежде.
Теперь ему легко не только что тебѣ,
И дѣтямъ-то твоимъ открыть дорогу:
Вѣдь онъ въ ходу, почти министр... и слава Богу!
Побольше намъ давай такихъ людей!
Твой баринъ человекъ отличный и умнѣйшій..

А что, мой любезнѣйшій,
Сегодня не было у васъ другихъ гостей,
Опрочь меня?

Жоховъ.

Нѣтъ, сударь, не бывало;
Никто не прѣзжалъ.

Котомкинъ *(съ радостью)*.

Никто? такъ стало
Прѣхалъ первый я?... Нельзя-ли какъ нибудь,
Вотъ такъ... межъ словъ, за туалетомъ
Шепнуть его сиятельству объ этомъ?...
Пожалуйста, любезный, не забудь!

Жоховъ.

Помилуйте! Ужъ вѣрно не забуду.

Котомкинъ.

Ну то-то же!... *(Вполголоса)*. Смотри, не говори!
Вѣдь я и самъ тебѣ пригоднымъ буду;
Быть можетъ, князь возьметъ меня въ секретари,
Глядишь, тогда—рука вѣдь руку моетъ—
Прокофій Сидорычъ имѣннице удвоить;
Домишко выстроить... Ну что, любезный?... Такъ?

Жоховъ.

Конечно, сударь, такъ!

Котомкинъ.

Ты малый не дуракъ;
Съ другимъ толкуй себѣ, никакъ не понимаетъ,
А ты смышленъ и смѣтка есть.

Жоховъ.

Давно, сударь, живу.

Графъ Мишурскій *(за кулисами)*.

Князь, вѣрно, принимаетъ?

Иванъ *(растворяя объ половинки)*.

Пожалуйте!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и графъ Мишурскій.

Графъ Мишурскій (*увидя Котомкина*).
Сергѣй Фомичъ!

Котомкинъ (*кланяясь*).

Имѣю честь

Вамъ кланяться.

Графъ Мишурскій.

Вы здѣсь?

Котомкинъ.

И радъ, что вижу съ вами.

Вы, кажется, изволили сказать...

Графъ Мишурскій (*обращаясь къ Жохову*).

Что князь?

Жоховъ.

Преважными дѣлами

Онъ занятъ, и проситъ подождать

Минутки двѣ.

Графъ Мишурскій.

Ну что, здоровъ-ли ты, Прокофій?

Жоховъ (*кланяясь*).

Здоровъ-съ.

Котомкинъ (*графу*).

Вы, помнится, собирались не сюда?

Графъ Мишурскій.

Да такъ случилось. Я ѣздилъ кой куда
По близости: у Фрындиной пиль кофе—
Она отсюда въ двухъ шагахъ живетъ ..

Котомкинъ.

Да, да!

Не болѣе двухъ верстѣ.

Жоховъ (*въ сторону*).

Ого, какія ноги!

Шагаетъ по верстѣ.

Графъ Мишурскій.

Однакожъ по дорогѣ

Котомкинъ.

Немного въ сторону.

Графъ Мишурскій.

Сергѣй Фомичъ! Да вы

При формѣ, кажется? и съ ногъ до головы,

Какъ слѣдуетъ, въ большомъ парадѣ?

И что за важный видъ!

Какой мундиръ! Какъ ловко онъ сидитъ!

Позвольте мнѣ на васъ взглянуть немного сзади...

Отлично сшить!

Котомкинъ.

Живетъ, сударь, каковъ ни есть.

Графъ Мишурскій.

Онъ могъ бы быть немножечко пошире,

Но это ничего—и вамъ большая честь:

Вы не по нашему—пріѣхали въ мундирѣ!

Котомкинъ.

Да такъ водилось въ старину

Графъ Мишурскій

Вы крѣпко держитесь старинныхъ русскихъ правилъ,

На вашемъ мѣстѣ я привезъ бы и жену,

И всей семьей его сіятельство поздравилъ.

Котомкинъ.

Благодарю покорно за совѣты!

Что дѣлать, графъ, во мнѣ догадки нѣтъ,

И вашихъ тонкостей совсѣмъ не постигаю;

Но если за глаза кого-нибудь ругаю,

Такъ врядъ-ли ужъ къ нему отправлюсь на поклонъ,

Я вовсе не похожъ на этихъ проидоховъ,

Я человѣкъ простой!

(Объ половинки дверей отворяются).

Ахти! никакъ баронъ?

Ну, такъ и есть.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и баронъ Турухтановъ.

Баронъ Турухтановъ.

А, здравствуй, Жоховъ!

Жоховъ.

Желаю здравія!

Баронъ Турухтановъ.

Что князь Иванъ Ильичъ?

Жоховъ.

Къ министру почту отправляетъ.

Баронъ Турухтановъ.

Вы здѣсь, любезный графъ! И вы, Сергѣй Фомичъ!

Котомкинъ.

Какъ видите.

Баронъ Турухтановъ (*графу*).

Васъ вѣрно удивляетъ

Мое присутствіе? Я самъ не ожидалъ,

Что буду здѣсь.

Котомкинъ (*въ сторону*).

Ошибкою попалъ.

Баронъ Турухтановъ.

Какой престранный случай вышелъ,

И какъ объ этомъ я не слышалъ:

Вѣдь, кажется, болтать охотница Москва.

Отсюда черезъ домъ, а много черезъ два

Жила Бушуева—предобрая старушка!

Вотъ я пріѣхалъ къ ней, послалъ узнать слугу;

Проходить пять минутъ—нейдетъ назадъ Петрушка...

Пришелъ!... и чтожъ она!... Очнуться не могу!...

Покушала грибовъ, да жареной форели,

Съ ней спазмы сдѣлались...

Графъ Мишурскій.

Неужто умерла?

Баронъ Турухтановъ.

Давно! И домъ ея купилъ ужъ двѣ недѣли
Какой-то господинъ—пріѣзжій изъ Орла.

Графъ Мишурскій.

Ахъ, Боже мой!

Баронъ Турухтановъ.

Я сталъ втупикъ; куда дѣваться?...

Хотѣлъ домой—вдругъ вижу экипажъ;

Смотрю—такъ точно, это вашъ!

Вы здѣсь... Вотъ я, чтобъ съ вами повидаться,

Сюда и завернулъ.

Графъ Мишурскій.

А я пріѣхалъ съ водъ, немножечко соснулъ,

Потомъ пришла мнѣ въ голову идея...

Послушайте, баронъ!

(Выходитъ съ нимъ нѣсколько впередъ).

Изъ князя дѣлать намъ за что себѣ злодѣя?

Помилуйте! Конечно, онъ смѣшонъ:

Онъ мыслить обо всемъ и глупо и незрѣло,

Безграмотенъ—да намъ какое дѣло?

Баронъ Турухтановъ.

Вы правы, графъ! Пусть ходитъ онъ въ звѣздѣ,

А мы... для насъ важнѣй готовится награда.

Графъ Мишурскій.

Къ тому-же я читалъ, не помню гдѣ,

Что намъ друзей своихъ кидать не надо

Не только въ горѣ и въ бѣдѣ,

Но даже и тогда, когда они счастливы.

Баронъ Турухтановъ.

Прекрасный афоризмъ!

Графъ Мишурскій.

Не будемте спесивы!

Бѣднякъ!—его и такъ ругаетъ цѣлый міръ.

Лежачаго не бьютъ.

Баронъ Турухтановъ.

А онъ совсѣмъ лежачій!

Графъ Мишурскій.

Сергѣй Фомичъ не въ насъ...

Баронъ Турухтановъ.

А что?

Графъ Мишурскій (*показывая на Котомкина*).
Надѣль мундиръ

Баронъ Турухтановъ.
Чего хотите вы,—подъячій!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же и Пустельгинъ.

Пустельгинъ.

А, графъ! Баронъ!...

Графъ Мишурскій.

Откуда Богъ принесъ?

Пустельгинъ.

Ахъ, дайте отдохнуть!... Я такъ усталъ!... Нѣтъ мочи!

Котомкинъ (*въ сторону*).

Вотъ мученикъ! Ни дня, ни ночи
Покою нѣтъ!

Графъ Мишурскій.

Что? Почту ужъ развезъ?

Пустельгинъ.

Вы шутите. А я клянусь, что больше новыхъ
Знакомствъ не завожу. Ну, матушка Москва!
Повѣрите-ль, какъ будто на почтовыхъ
Сто верстъ я проскакалъ: кружится голова,
Карета чуть жива, всѣ лошади разбиты!...
Охъ, эти мнѣ проклятые визиты!

Да это сущій адъ!

Одинъ живетъ въ Донской, другая на Лубянкѣ.
Тотъ у Лефортова, а тотъ на Якиманкѣ,
Иной забился на Арбатъ...
Терпѣнья нѣтъ!... Таскаешься по грязи,
Глотаешь пыль...

Графъ Мишурскій.

И бьешь въ набать.

Пустельгинъ.

Въ набатъ? О чемъ?

Баронъ Турухтановъ

Теперь, я думаю, о князѣ.

Графъ Мишурскій.

И, чай, о томъ, что онъ въ большихъ ладахъ
Съ его сѣятельствомъ..

Пустельгинъ.

Съ чего вы это взяли!

Да этой новостью *меня* вездѣ встрѣчали;
Объ этомъ зналъ весь свѣтъ сегодня на водахъ,
Помилуйте!... Вотъ мнѣ на Прѣсененскихъ Прудахъ

Кой-что сказали по секрету;

Какъ истиннымъ друзьямъ моимъ, я новость эту
Могу вамъ сообщить. Хоть князь и новичокъ,
Онъ только что пошелъ сегодня въ гору;

А сдѣлаетъ такой скачокъ,

Какой и старому дѣльцу едва-ли въ пору.

Къ министру онъ въ товарищи попалъ:

На первый разъ и это авантажно,

И всякій-бы служить охотно сталъ;

Да это ничего, а вотъ что важно,

Какъ тутъ онъ попадетъ врасплохъ:

(*Вполмолса*).

Князь Любскій при смерти.

Графъ Мишурскій.

Министръ?

Пустельгинъ.

А что, не знали?

Такъ знайте-же, онъ очень плохъ;

Мнѣ люди вѣрные сказали.

Баронъ Турухтановъ.

Возможно-ли? Да онъ не старъ...

Пустельгинъ.

Такъ чтожъ?

Графъ Мишурскій.

И былъ всегда здоровъ.

Пустельгинъ.

Здоровъ!... Какая ложь!

Нѣтъ, графъ! Молва идетъ совсѣмъ иная:

Да у него двѣнадцать лѣтъ
Сухотка, кашель, водяная.
Не я дивлюсь одинъ, а цѣлый свѣтъ,
Что онъ еще отъ службы не уволенъ;
Онъ восемь разъ отчаянно былъ боленъ,
И два раза совсѣмъ ужь отходилъ.

Баронъ Турухтановъ (*тихо графу*).
Не вѣрю ничему.

Графъ Мишурскій.

Все сряду сочинилъ.

Баронъ Турухтановъ.

Какой хвастунъ!

Графъ Мишурскій.

Скажите, ради Бога,

Зачѣмъ мы всё стоимъ?

Пустельгинъ.

Присядемте немного.

(*Всѣ, кромѣ Котомкина, садятся*).

Графъ Мишурскій (*развалиясь въ креслахъ*).

Вотъ этакъ лучше слушать дичь.

Чтожь вы, Сергѣй Фомичъ?

Котомкинъ.

Позвольте постоять.

Графъ Мишурскій.

Стоять! Да для чего-же?

Котомкинъ.

Когда нашъ братъ въ приѣмной у вельможи,

Такъ слѣдуетъ.

Графъ Мишурскій (*барону*).

Каковы!

Баронъ Турухтановъ.

Подлецъ!

Графъ Мишурскій.

Какъ эти всѣ срамцы между собой похожи!

(*Въ кабинетъ звонятъ въ колокольчикъ; графъ, баронъ и Пустельгинъ вскакиваютъ и начинаютъ оправляться; Жоховъ входитъ кабинетъ*).

Котомкинъ.

Ну, вот выходитъ, наконецъ!

(Федотъ открываетъ обѣ половинки дверей кабинета, и князь Радугинъ выступаетъ въ халатъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и князь Радугинъ (всѣ кланяются).

Князь Радугинъ (откланяваясь).

А, графъ! Я очень радъ, что вижу съ вами!
Что скажете?...

Графъ Мишурскій (кланяясь).

Я счелъ за первый долгъ...

Князь Радугинъ (не слушая его).

Здоровы-ли, баронъ? Все заняты дѣлами?

Баронъ Турухтановъ (кланяясь).

Тружусь попрежнему.

Князь Радугинъ.

И вѣрно будетъ толкъ

Отъ вашихъ истинно полезнѣйшихъ занятій.

Я вамъ скажу безъ всѣхъ лицепріятій,

Что ваши фабрики и сахарный заводъ

Отличные,—такихъ во всей Европѣ мало!

Баронъ Турухтановъ.

Конечно, не великъ теперь отъ нихъ доходъ,

Но если-бы правительство желало

Занять меня...

Князь Радугинъ.

Мы васъ займемъ! А, кстати, графъ!

Вѣдь вы не служите?

Графъ Мишурскій.

Я службу ужъ оставилъ

Давно.

Князь Радугинъ.

Зачѣмъ моихъ не держитесь вы правилъ?

Дѣятельный вашъ зная нравъ,

Способности, таланты,

Я этому, по истинѣ, дивлюсь!
Ну, пусть слоняются въ Москвѣ смѣшныя франты,
Глупцы—но вы!... Да я на всѣхъ пошлюсь,
Вамъ надобно служить,—вы созданы для службы.

Графъ Мишурскій.

Я этой ласкою такъ много дорожу,
И такъ желаю быть достойнымъ вашей дружбы...

Князь Радугинъ.

Что, служите?

Графъ Мишурскій.

Извольте, князь, служу!...

Но какъ и гдѣ?

Князь Радугинъ.

Ужь это наше дѣло.

(Обращаясь къ Пустельгину).

Андрей Андреевичъ! Вы здѣсь!

Пустельгинъ.

Позвольте мнѣ отъ всей души и смѣло.

Увѣрить васъ, что городъ весь,

Что вся Москва, что всѣ единогласно...

Князь Радугинъ (обращаясь къ Котомкину).
Сергѣй Фомичъ! Къ чему такой парадъ?

Котомкинъ (низко кланаясь).

Я долгъ исполнилъ мой.

Князь Радугинъ.

Напрасно!

А впрочемъ видѣть васъ всегда я буду радъ;

И если вамъ могу я быть полезнымъ,

Скажите мнѣ.

Котомкинъ.

Извѣстно уже вамъ,

Что, годъ тому назадъ, я страпчимъ былъ уѣзднымъ,

И съ честію служилъ,—я въ этомъ клятву дамъ!

Но, несмотря на то, злодѣи, прошлымъ лѣтомъ,

Начальству обнесли меня. Ужь какъ объ этомъ

Анисья Дмитревна изволила тужить!

Вы помните,—какъ мать родная

Жалѣла обо мнѣ.

Князь Радугинъ.

Хотите вы служить?

Котомкинъ.

Прошу о томъ! (*Подавая бумагу*). И вотъ записка докладная.

Князь Радугинъ (*разсматривая бумагу*)
Записка? Хорошо!

Котомкинъ.

Усердьемъ къ вамъ горя,
Которымъ буду я горѣть и въ самомъ гробѣ,
Я званіе прошу секретаря,
Дабы всегда при вашей быть особѣ

Князь Радугинъ.

Такъ вы желаете служить со мной?
Я очень радъ.

Пустельгинъ (*Котомкину*).

Имѣю честь поздравить!

Котомкинъ.

Сіятедьнѣйшій князь!... Мой списокъ послушной...

Князь Радугинъ.

Да это можно все поправить.
Подайте просьбу мнѣ.

Котомкинъ (*кланяясь*)

Клянусь вамъ, никогда
Я этой милости великой не забуду,
Готовъ по гробъ служить!

Князь Радугинъ.

Сегодня, господа,

Я дома вечеръ буду!
Прошу ко мнѣ—вотъ такъ часу въ седьмомъ;
Мы вмѣстѣ потолкуемъ,
Посудимъ кой о чемъ; потомъ,
Быть можетъ, повистуемъ.

(*Пустелькину*).

Съ Анисьей Дмитревной вы сядете въ пикетъ;

(*Графу и барону*).

А мы втроемъ.

Пустельгинъ.

Я званъ сегодня на обѣдъ
Но я отдѣлаюсь, чтобъ быть у васъ пораньше.

Баронъ Турухтановъ.
Я ѣхалъ къ Лидиной...

Князь Радугинъ.
А! Къ этой музыкантшѣ?

Баронъ Турухтановъ.
У ней концертъ; но мнѣ позвольте предпочесть...

Князь Радугинъ (*беретъ его за руку*).
Благодарю! (*Графу*). А вы?

Графъ Мишурскій.
Я буду ровно въ шесть.

Князь Радугинъ.
Не можетъ быть!

Графъ Мишурскій.
О, князь, повѣрьте!
Я здѣсь обѣдаю не очень далеко.

(*Всѣ почтительно откланиваются и выходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ ГРАФА МИШУРСКАГО, БАРОНА ТУРУХТАНОВА, КОТОМКИНА И ПУСТЕЛЬГИНА.

Князь Радугинъ (*бросаясь въ кресло*).
Ухъ, батюшки, усталъ до смерти!
Ну! быть министромъ не легко!...
За то какой почетъ, какое уваженъе,
Какой имѣютъ вѣсь его слова и мнѣнья!
Лишь только взглядомъ подари,
Всѣ счастливы!... Нѣтъ! что ни говори,
Пріятно быть вельможей!...
Чай, вся Москва кричить... А что кричить она?...
Постой!... Эй, ты!...

(*Федотъ подходитъ*).

Проси сюда Пустельгина:

Онъ долженъ быть еще въ прихожей.
Ступай! (*Слуга уходитъ*). Вотъ я его порядкомъ допрошу—
Онъ знаетъ все: вѣдь онъ ходячая газета
Всѣхъ новостей большого свѣта.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и Пустельгинъ.

Пустельгинъ.

Что, князь, прикажете?

Князь Радугинъ (*показывая на стулъ*).

Покорнѣйше прошу,
Андрей Андреечъ! (*Пустельгинъ садится*). Извините!
Я васъ займу минутки на двѣ!

Пустельгинъ.

Помилуйте!

Князь Радугинъ.

Всю правду мнѣ скажите:
Какіе слухи по Москвѣ
Идутъ о томъ, что я назначенъ
Занять такой высокій постъ?

Пустельгинъ.

Что этотъ выборъ страхъ удаченъ,
И даже очень простъ —
Такъ быть должно; что всё дѣла для васъ забава;
Что вы всегда имѣли право,
По вашему родству, познаньямъ и уму,
Министромъ быть; и всё дивятся одному,
Что вы такъ скоро согласились
Идти въ товарищи. Иные говорятъ,
Что сами вы просились,
Но Волгинъ, камергеръ, кричитъ, что это вздоръ
Что этого желалъ весь дворъ;
А самъ межъ-тѣмъ одѣтъ въ мундиръ шитомъ,
Съ ключомъ, и ѣдетъ къ вамъ съ визитомъ.

Князь Радугинъ.

Что Марья Саввишна? Чай, очень зла?
Вѣдь мы давно разсталися домами.

Пустельгинъ.

Помилуйте! Сочлась роднею съ вами.

Князь Радугинъ.

А князь Борисъ?

Пустельгинъ.

Его княгиня увезла

Въ деревню. кажется.

Князь Радугинъ.

Давно-ли?

Пустельгинъ.

Дня три тому назадъ и, вѣрно, по неволѣ;
Вы знаете...

Князь Радугинъ.

Я знать хочу совсѣмъ не то—

Богъ съ нимъ!

Пустельгинъ.

Еще кой-гдѣ я слышалъ кое-что..

Вчера въ обѣдъ курьеръ сюда примчался
Съ извѣстіемъ...

Князь Радугинъ.

О чемъ?

Пустельгинъ.

Съ трудомъ узнать я могъ,

Однако-же узналъ—князь Любскій...

Князь Радугинъ.

Занемогъ?...

Пустельгинъ.

Да это-бъ ничего.

Князь Радугинъ.

А чтожь еще?

Пустельгинъ (*вставая и кланаясь*).

Скончался.

Князь Радугинъ.

Возможно-ли?... Министръ?...

Пустельгинъ.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ;

Не помню отъ кого, я слышалъ, что чѣмъ-свѣтъ
О томъ же полученъ сегодня эстафетъ,
И слухъ идетъ—слухъ радостный, пріятный,
Что вы...

Князь Радугинъ.

Но этотъ слухъ совсѣмъ невѣроятный;

Онъ былъ здоровъ...

Пустельгинъ.

Играль онъ съ кѣмъ-то въ вистъ
И весель былъ; вдругъ вскрикнулъ, покатился... (*Входитъ
слуга*).

Слуга.

Глинскій!

Князь Радугинъ.

Ага! И этотъ моралистъ

Ко мнѣ съ почтеніемъ явился.

Проси!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Глинскій.

Князь Радугинъ (*сдѣлавъ два шага на встрѣчу Глин-
скому*).

Не смѣлъ никакъ вамъ отказать,
Хоть очень занятъ я дѣлами. .

Глинскій.

Я васъ не задержу Хотѣлъ проститься съ вами

И въ то-же время вамъ сказать,

Что мой племянникъ Лидинъ

Садится въ дилижансъ. Со мной приѣхать онъ

Не могъ—вы знаете резонъ—

Я думаю для васъ онъ очевиденъ...

Князь Радугинъ.

Мнѣ, право, очень жаль... Я чувствую всю честь...

Но вамъ самимъ, надѣюсь, понятно,

Что у меня другіе виды есть

Глинскій.

Да! Это вѣроятно.

Князь Радугинъ.

Повѣрьте мнѣ, что я и вся моя родня...

Глинскій.

О, вѣрю, князь!... До васъ есть просьба у меня..

Князь Радугинъ

Я очень радъ, и мнѣ всегда при нѣ

Для васъ полезнымъ быть.

Глинскій.

Теперь у васъ въ рукахъ...

Князь Радугинъ

А! старій вашъ процессъ по прежнему все иску?...

Такъ чтожь? Подайте мнѣ записку.

Глинскій (*улыбаясь*).

Не надобно—мы кончимъ на словахъ.

Отъ князя Любскаго письмо вы получили?...

Князь Радугинъ.

Сегодня поутру.

Глинскій.

Я также получилъ.

Князь Радугинъ.

Онъ знаетъ васъ?

Глинскій.

Мы вмѣстѣ съ нимъ служили,

И только случай насъ на время разлучилъ.

Князь Радугинъ.

Вы снова службою желаете заняться?

Глинскій.

Быть можетъ, князь!

Князь Радугинъ (*съ видомъ покровительства*).

Повѣрьте мнѣ, что я,

Характеръ вашъ и умъ цѣня..

Глинскій.

Да дѣло не о томъ! Намъ должно размѣняться:

Мое письмо у васъ, а ваше у меня.

Князь Радугинъ.

Письмо?... Помилуйте, какое?

Глинскій (*подавая письмо*)

Извольте, вотъ оно!

Князь Радугинъ.

Да у меня другое.

Глинскій.

О томъ вы можете забыть:

То писано ко мнѣ.

Князь Радугинъ.

Не можетъ быть!

Глинскій.

Прочтите, князь!

Князь Радугинъ (*читая письмо*).

«Милостивый государь, князь Иванъ Ильичъ! Желаніе вашего сіятельства, снова посвятить себя службѣ, весьма похвально; но, къ сожалѣнію, я не вижу возможности исполнить вашу волю. Вы такъ долго были въ отставкѣ, что рѣшительно не можете занять мѣста, приличнаго вашему званію; для этого нужны не одни чины, но и большая опытность, которая пріобрѣтается продолжительной и постоянной службою... Я пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ увѣрить васъ въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми честию имѣю... Князь Любскій...»

Чтожь это значить?

Неужели министръ меня дурачить?

Глинскій.

Ошибка въ адресахъ — и больше ничего.

Князь Радугинъ.

Такъ вы назначены товарищемъ его?

Глинскій.

Я, князь.

Пустельгинъ (*въ сторону*).

Вотъ новости!

Князь Радугинъ.

Я радъ! Такихъ людей,

Какъ вы, немного есть.

Пустельгинъ.

Ну, жаль мнѣ лошадей,

А дѣлать нечего!

Князь Радугинъ.

Вы человекъ придворный...

Умѣете молчать...

Пустельгинъ (*откланиваясь*).

Слуга покорный!

Князь Радугинъ.

Какъ ловко скрыли вы съ министромъ вашу связь!

Глинскій.

Напрасно сердитесь вы, князь...

Князь Радугинъ.

Сердиться—миѣ!.. Да это было-бъ низко.

Помилуйте, за что!

Глинскій.

Тутъ есть еще приписка...

Князь Радугинъ.

Приписка? Гдѣ...

(читаетъ).

«Чтожь касается до вашего сына, то, къ крайнему моему прискорбію, я долженъ васъ увѣдомить, что онъ никакъ не можетъ ожидать повышенія; миѣ извѣстно, что онъ совсѣмъ не занимается службою, и что начальникъ его рѣшительно имъ недоволенъ».

Какъ! имъ начальникъ недоволенъ?

Глинскій.

Такъ вы не знаете?... Отъ службы онъ уволенъ.

Князь Радугинъ.

Мой сынъ? Когда?

Глинскій.

Да вотъ ужь третій день.

Князь Радугинъ.

Возможно-ли!.. За что?

Глинскій.

Я думаю, за лѣнь;

А сверхъ того — миѣ такъ сказалъ —

За грубости и дерзкія слова.

Князь Радугинъ.

Такъ я-же вамъ скажу, его не разгадали.

Да знаете-ль какая голова?

Его профессоромъ въ Парижѣ называли;

Ему въ Германіи, тому назадъ пять лѣтъ,

Дивился весь ученый свѣтъ—

А этотъ край учеными обилень,

И тамъ живутъ не дураки—

Отлично знаютъ языки...

Глинскій.

Да въ русскомъ-то не очень силенъ.

Князь Радугинъ.

И я смѣшонъ! Ну, есть о чемъ тужить!

Володя будетъ мой и въ Австріи служить...

Да, да! Мы съ нимъ уѣдемъ въ Вѣну, —

А лучше и того въ Парижъ:

Тамъ знаютъ людямъ цѣну,

А здѣсь, о, Боже мой!.. Посмотришь, поглядишь,

Такъ сердце кровью обольется:

Глушцамъ вездѣ и ласка и привѣтъ,

Имъ все на свѣтѣ удается;

А кто съ умомъ, съ душой возвышенной... Нѣтъ, нѣтъ,

Святая Русь! пора съ тобой проститься,

Пора бѣжать отсюда вонъ!

Въ Парижъ, скорѣи въ Парижъ!

Глинскій.

Все надо воротиться

Когда-нибудь: вы знаете законъ?..

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Шумиловъ (*входитъ съ бумагой въ руки*).

Глинскій.

Да и къ чему вамъ жить всегда въ Парижѣ?

Кузнечникій мостъ гораздо ближе:

Кормите здѣсь его.

Шумиловъ (*въ сторону*).

Кормить-то не бѣда,

Да только чѣмъ?

Князь Радугинъ (*Шумилову*).

Ну, что пришелъ сюда?

Шумиловъ.

Принесъ я копію съ судейскаго рѣшенья.

Князь Радугинъ.

Чего еще хотятъ? — Злодѣи, палачи!

Подай! (*взглянувъ на бумагу*). Возможно-ли! Описано имѣнье!

Шумиловъ.

Я вамъ докладываль.

Князь Радугинъ.

Молчи!

(*Глинскому*).

Ну, что, сударь?

Глинскій.

Да, это неприятно.

Князь Радугинъ.

Не правда-ли, у насъ все гладь да тишь?..
Теперь, я думаю, для васъ самихъ понятно,
Зачѣмъ хочу уѣхать я въ Парижъ?

Глинскій.

Нѣтъ, князь; теперь еще мнѣ непонятнѣй.

Князь Радугинъ.

Такъ въ этомъ жить лѣсу по вашему пріятнѣй?
Вотъ, справедливости въ нашъ умный вѣкъ проси!

Вѣкъ жалкій, развращенный!

Ищи ее на родинѣ священной,

На нашей матушкѣ — Руси!

Глинскій.

Да чѣмъ-же тутъ Россія виновата?

Князь Радугинъ.

Мое имѣнье продадутъ!
Но кто судилъ меня?

Шумиловъ.

Надворный судъ.

Князь Радугинъ *(не слушая его)*.

И будетъ кто судить?

Шумиловъ.

Гражданская палата.

Князь Радугинъ.

Невѣжды, варвары, которыхъ умъ и нравъ

Не стоятъ уваженья;

Въ которыхъ нѣтъ и тѣни просвѣщенья,

Не знаютъ ничего—и даже римскихъ правъ;

А судятъ всѣхъ и судятъ самовластно.

Глинскій.

Да это, кажется, съ законами согласно:

Кто бралъ займы, тотъ долженъ и платить.

Князь Радугинъ.

Ну, послѣ этого прошу въ Россіи жить!

К О Н Е Ц Ъ .